ВАМПИРСКИЙ ДУРМАН

18+

Эвелина Шегай

Эвелина Шегай

Вампирский дурман

Серия «Отдел врагов (Мальдора)», книга 4

https://litres.ru/74618683
SelfPub; 2026

Аннотация

Она страстно любила жизнь, а он жил за счёт смерти. Однако они притянулись друг к другу и породили по-настоящему мощный взрыв, повлиявший на судьбу целого вида Им пришлось расстаться на сотни лет, а позже встретиться в качестве криминалиста и его ассистентки, чтобы вновь отчаянно влюбиться. Но, получив второй шанс, смогут ли они отвоевать у безжалостной судьбы счастливый конец для их истории?

Содержание

Пролог 4
Аланд 4
Глава 1. Зелёная ведьма 10
Манси 10
Глава 2. Невкусное зелье 25
Аланд 25
Глава 3. Переезд в замок 41
Манси 41
Глава 4. Ночной визит 58
Аланд 58
Глава 5. Кровавое знакомство 63
Манси 63
Глава 6. Опасное искушение 82
Аланд 82
Глава 7. Жестокие уроки 88
Манси 88
Глава 8. Сладкое мгновение 106
Манси 106
Конец ознакомительного фрагмента. 125

Эвелина Шегай
Вампирский дурман

Пролог

Аланд

За тысячу лет до основных событий...

Переступив через тело молодого парня, бесхозно валяющееся на каменном полу посреди коридора, Аланд с невольной досадой подумал о Киране. Вечно тот еду по всему замку разбрасывал. Видимо, надо ещё раз с ним потолковать, но на более доходчивом языке.

Может, клыки вырвать?

Нет, они совсем недавно играли в цирюльника…

Тогда просто убить?

После воскрешения как минимум пару десятилетий детки как шёлковые: ходят перед ним на цыпочках, робко в глаза заглядывают.

Но сработает ли это с Кираном?..

Лениво размышляя над тем, что следовало бы сделать с этим глупым мальчишкой, Аланд дошёл до конюшни, где оседлал коня: норовистого жеребца цвета воронова крыла.

Слуга, выскочивший из-за угла у жилой комнатушки, распахнул ворота и тут же спрятался снова, чтобы ненароком его ни на что не спровоцировать. По какой-то причине люди боялись Аланда гораздо сильнее, чем детей, хотя он, в отличие от тех, даже не убивал, когда питался. Однако молва о нём ходила среди смертных, как о самом безжалостном мучителе, попасть в немилость к которому хуже смерти.

Интересно, кто распускал столь нелепые слухи? Елена или Лилит? Эти двое страсть как любили о ком-нибудь небылицу сочинить.

Тёплый ветер шуршал молодой листвой, конь бежал тихой рысью сквозь ночь, унося Аланда в самое сердце леса, откуда доносилось слабое человеческое пение. До его чуткого слуха звонкая и мелодичная трель долетела во время неторопливой прогулки вокруг имения. Люди редко забредали настолько глубоко в чащобу — ближайшая деревня находилась в двадцати пяти милях восточнее — все прекрасно знали, что на западе притаился смертельно опасный Кроктаун.

Мягко потянув за поводья, Аланд заставил смоляного красавца притормозить у границы леса, что плотным кольцом окружал огромную поляну, растянувшуюся на сотни метров. По центру этой поляны среди распустившихся бутонов дурмана скакала молодая девица. Она исполняла явно собственного сочинения песенку и отплясывала на редкость диковинный танец: то изящно кружилась на носочках, то прыгала через кусты, раскинув в стороны руки, будто меч-

тала о полётах, а то извивалась всем телом. Но не как умелая искусительница, чья плавность движений завораживает, а скорее как тряпичная ленточка на ветру.

И чем дольше Аланд смотрел на чудачку, тем шире улыбался. Вот же дурная. Надо её припугнуть, чтобы больше сюда не забредала. Наткнись она на кого-нибудь из его отпрысков, вряд ли живой бы ушла с этой поляны.

Он ловко спешился с коня, когда девица, вдоволь натанцевавшись, уселась у куста, и беззвучно подкрался к ней со спины. От неё дивно пахло. Так вкусно, что Аланд и сам был не прочь запустить клыки в тонкую шейку, но сегодня настроение располагало к милосердию. Давненько его никто так не веселил, поэтому пусть живёт неразумное человеческое ди-

тя. Живёт и плодится на забаву другим смертным.

Девица внезапно развернулась, впиваясь в Аланда любопытным взглядом, и он угодил в центр капкана из зелёных, как сочная молодая трава, очей. Маленькие уста, похожие на ярко-розовый подарочный бантик, тронула радостная улыбка, и она воскликнула:

— Беззвёздной лунной ночи, мой славный друг вампир!

— Вампир?.. Раз ты знаешь, то чего ради ступила на мою землю?

— Здесь растёт воистину дивная бругмансия, — девица огляделась по сторонам с мечтательным выражением лица, — если её собрать всю, запасов хватит на десятки лет. За это время можно будет помочь сотням людей. Но не волнуйтесь, славный друг, мне хватит и корзинки!

— Помощь другим важнее собственной жизни? Ты не знаешь, чем питаются вампиры? Хочешь быть выпитой?

— Не пейте меня, пожалуйста! — взволнованно попросила она, а уже в следующее мгновение из неё просыпался мелодичный смех, напоминающий перезвон маленьких стеклянных колокольчиков.

Аланд в полной растерянности смотрел на чудное создание и силился понять, как оно умудрилось дожить до глубокого юношества? За достаточно длинную жизнь ему довелось повстречать немало эксцентричных сумасбродов. Но никто из них не пытался смеяться в лицо смертельной опасности.

Наверное, он был слишком мягок в трактовках…

— Внемли моим словам, блаженное человеческое дитя. — Аланд резко придвинулся, замерев в считаных сантиметрах от прикосновения. Так близко, что странная девица наверняка чувствовала смрад его кровавого дыхания. — Сегодня я столь щедр, что дам тебе уйти живой и невредимой. Но второго такого шанса у тебя не будет, поэтому услышь мой ценный совет: забудь дорогу к сей Дурмановой поляне.

— Но сегодня ещё можно насобирать корзину? — уточнила она, кажется, нисколько не впечатлившись, и добродушно улыбнулась: — Мне там немного осталось.

Он моргнул и нахмурился. Вроде они на одном языке говорили. Так почему до неё не доходил смысл его слов? Впрочем, не имеет значения.

— Я тебя предупредил, — сухо бросил Аланд и вернулся к коню.

Однако повинуясь неясному желанию, он продолжил наблюдать за этой безрассудной девицей. Дождался, пока она не заполнила доверху корзину, а потом ещё и убедился, что ей всё же хватило ума покинуть его территорию. Лишь когда миниатюрная фигурка вступила в свет горящего факела у одиноко стоящей избушки за много миль до ближайшего поселения, Аланд развернул жеребца в сторону замка.

Глава 1. Зелёная ведьма

Манси

Очистив алтарь при помощи метёлки и благовоний, Манси поставила по центру круглого металлического подноса на высоких ножках чашу с водой, заряженной под полной луной, по бокам от неё — две толстые земляные свечи, собственноручно созданные прошлой ночью в лесу, и подожгла их с помощью огня из печи.

Удобно устроившись перед алтарём, она сконцентрировалась на слабом шёпоте, что издавали травы. Пальцы, повинуясь интуиции, зачерпнули мелко нарезанную полынь и кинули в чашу, в следующий миг нырнули в мешочек с семечками дурмана, и чёрные бусинки со звонким «бульк» опустились прямиком на каменное дно. Вдогонку им в воду полетела звёздочка гвоздики, щепотка горькой соли и подтаявший кусочек масла.

— Я насыщаю эту мазь целительной силой, — проговаривала Манси, медленно перемешивая смесь по часовой стрелке. — Пусть эта мазь изгонит паутину болезни и дарует благо исцеления.

Трижды повторив слова заклинания, она накрыла чашу

крышкой и убрала в погреб, где ей полагалось отстаиваться в течение трёх суток. После чего снова очистила алтарь и с грустью посмотрела на отощавший мешочек с семенами дурмана.

Большая часть запасов была истрачена на амурные делишки. Люди чаще шли к ней за приворотными зельями, чем за исцеляющими снадобьями. А некоторым даже хватало ума требовать от Манси, чтобы она прокляла какого-то хозяина или хотя бы наслала на недруга порчу. И при этом никто не хотел слышать, что она — зелёная ведьма.

Для большинства не было особой разницы: чёрная, зелёная, лунная или руническая. Ведьма есть ведьма. А значит, по определению должна делать все те грязные дела, о которых злословят.

— Хотела бы я уметь летать на метле, — обратилась она к цветку с длинными и колючими стеблями, стоявшему на подоконнике в окружении менее язвительных растений. — Тогда я бы взлетела высоко, высоко. Под самые облака… Как думаешь, они такие же мягкие на ощупь, как и на вид? Вот бы съесть кусочек.

По двери заколотили маленькие кулачки. И поскольку на дворе стояла глубокая ночь, без беды дело явно не обошлось.

— Ведьма! — выкрикнул мальчишка лет десяти и сквозь одышку продолжил: — Там моя мама!.. Она помирает!

Подхватив авоську, собранную для экстренных случаев, Манси побежала вслед за ним в деревню, находящуюся в пя-

ти милях от её дома. Дорога заняла у них около часа. Удивительно, как мальчуган не заплутал в такой темени. Сегодня наступила третья ночь с рождения новой луны. Тонкий серп, зависший над острыми пиками елей, толком не рассеивал лесную тьму.

В доме у ложа больной собралась вся семья из пяти детей, бородатого мужчины и пожилой женщины, суеверно перекрестившейся при виде Манси.

— Её прокляла ведьма! — объявил деревенский столяр, видимо, муж. Слишком уж молодой для отца. Хоть густая борода и накидывала ему лишних годков.

— Ведьма тут ни при чём, — задумчиво пробормотала она, роясь среди баночек с зельями и мазями.

Обычных крестьян переубеждать не было смысла. Всё равно не поверят в болезнь. В их понимании в любых бедах всегда виноваты ведьмы. Дай им волю, спалили бы всех. И самое забавное, что под раздачу попали бы не только ведьмы, но и магов зацепило бы. Единственное, что удерживало обычных людей от расправы — бессмертные кровопийцы, чья тень нависала над всеми близлежащими территориями. Может, где-то там на горизонте за бескрайними морями дела обстояли иначе, но у них на земле у власти стояли вампиры. И так было всегда: испокон веков здесь люди жили в тесном соседстве со своими кровожадными господами.

— Вот это подойдёт. — Манси достала керамический горшочек с целебной мазью. — Её хватит на пять суток. Смазы-

вайте все места, покрытые волдырями, два раза в день. Густым слоем, не жалейте.

— И всё? Этой мази хватит, чтобы Агашка полностью выздоровела? — недоверчиво уточнил супруг умирающей женщины, подняв крышку и заглянув в баночку. А то, что несчастная умирала — не вызывало никаких сомнений. Судя по влажно хрипящему дыханию, инфекция уже добралась до внутренних органов и активно их разрушала вдобавок к уже почерневшей коже.

— Нет, мазь снимет болевые ощущения. Ей станет полегче. — Она оглядела комнату и не нашла в ней ни одного растения. Как это ужасно грустно…

— На кой мне нужна эта мазь, если она не вылечит Агашку?!

— Мазь нужна для того, дабы Агашке больше не было больно, — объяснила Манси и доброжелательно улыбнулась, из-за чего бабушка повторно перекрестилась, а дети захихикали. — Её болезнь в запущенном состоянии. Мне нужно сварить сложное зелье на основе зёрен бругмансии. А у меня осталось всего пара унций дурмановых.

— В чём проблема достать новые? Ты же постоянно по лесам бродишь, собираешь эти свои колдовские травы и корешки, проворачиваешь всякие богомерзкие ритуалы.

— Какому богу мерзко?

— В каком смысле?..

— Ну, вы сейчас сказали, что какому-то богу мерзко от

моих ритуалов. Мне стало интересно, какому именно?

— Это имеет сейчас значение?! — вдруг заорал мужчина и едва не запустил в неё баночкой с мазью. — Ты, что ли, не видишь, что моя жена совсем плоха?! Правильно говорят, с ведьмой лучше не связываться… вы все бездушные твари!

— Душа есть у всего. Даже у цветочков, которых у вас почему-то нет в доме. — Она достала ещё одну склянку из незначительно полегчавшей котомки и поставила её на тумбочку. — Это успокоительное. Для рассудка хорошо. Но на пинту пива не больше пары капель.

— Издеваешься, ведьма?..

— Нисколько. Искренне озабочена вашим душевным состоянием. — Манси поправила на плече лямку сумки и двинулась к входной двери. — Пойду бродить по лесам, искать колдовские травки. Если не появлюсь на исходе пятого дня, значит, меня съели вампиры.

***

Все зелёные ведьмы были подвержены проклятию собственного имени. Как матушка назовёт, так всю последующую жизнь и будешь мучиться. Получив при рождении прекрасное имя Роза — до конца собственных дней будешь варить отвары на розовой воде и толочь в ступке нежные лепестки для мазей. Иначе ведьмовской дар не отзовётся. Лучше всего себя чувствовали ведьмаки, названные в честь осо-

та, и ведьмы с именем Ромашка или Лебеда. Вот у них вообще не было проблем с добыванием растительного сырья.

Подтянув повыше юбку, Манси переступила через свалившееся дерево. В животе громко заурчало от голода. Как назло, на пути не попадалось ничего мало-мальски съестного. Хоть бы какой-нибудь кустик с ежевикой подвернулся. Сейчас она бы даже в колючки с головой сиганула.

Наконец-то Манси вышла на знакомую поляну. За три года та ничуть не изменилась. Всё также утопала в кустах разноцветной бругмансии и дурмана. Её сразу с ног до головы окутал густой аромат, слегка затуманивающий разум. Но в этот раз она не поддастся дурашливому настроению и не станет задерживаться. Быстренько соберёт полную корзину и побежит варить зелье, прежде чем её успеет обнаружить суровый владелец земель.

Однако, чем дольше Манси сидела у куста, тем смешнее ей казалось происходящее. И она сама не заметила, как начала тихо похихикивать, не переставая быстро и ловко орудовать маленьким ножичком с закруглённым лезвием. Пара надрезов и яйцевидная коробочка, покрытая растительными шипами, открывала четыре створки. Приди Манси всего-то на пару недель позднее, и эти симпатичные четырёхгнёздовые коробочки распахнулись бы естественным путём. Но обстоятельства так сложились, что она сидела у куста с ножом и изо всех сил старалась не рассмеяться в полный голос.

Ведь странно смеяться ни с того ни с сего? Нужен хоть

какой-то повод…

— Так и знал, что ты не прислушаешься к моему ценному совету, — прошептал возле уха приятный мужской голос.

Манси с перепугу вскочила с корточек и круто обернулась, впиваясь взглядом в ничуть не изменившегося высокородного вампира со всё таким же сказочно красивым лицом, которое ещё в прошлый раз заставило её сердечко взволнованно забиться.

И лишь она приоткрыла рот, собираясь поздороваться, как из груди вырвался оглушающе громкий, безудержный хохот. Этот гадский хохот не хотел заканчиваться, в отличие от воздуха в лёгких. В какой-то момент всё зашло настолько далеко, что Манси начала задыхаться. Пошатнулась на грани обморока и крепко вцепилась в плечо вампира, продолжающего стоять напротив в немом оцепенении.

Она не знала, сколько длилось это безобразие, но постепенно удалось успокоиться. Дыхание зазвучало ровнее. Чтобы не всколыхнулось внутри из-за резкого подъёма на ноги, сейчас оно снова осело, подобно илу на дне потревоженного болота.

Манси заглянула в ярко-красные глаза и радостно воскликнула:

— Чудесной лунной ночи, мой славный друг вампир!

— Я кажусь тебе смешным? — оторопело спросил он. А уже в следующую секунду его взгляд так разительно изменился, что у неё волосы на затылке зашевелились. — Ты не

осознаёшь своего положения или просто глупая?

— Я не глупая, но некоторые считают меня чудной.

— Почему некоторые?

— Ну, может, и не некоторые, — неохотно согласилась Манси. Снова ощутила приступ неконтролируемого веселья и фыркнула: — А я считаю, что это они странные!

— Поразительно, как ты ещё три года протянула…

— Да я бы не сказала, что эти три года были какими-то особенно сложными. Всё как всегда, — беззаботно пожала она плечами, искренне не понимая сути его замечания, и полюбопытствовала: — Я могу узнать, как вас звать, мой славный друг?

— Аланд ле Оккелирионнэ. — Вампир чуть склонил голову набок, отчего каштановая прядь выскользнула из-за уха и прикрыла острый уголок глаза. А глаза его всё так же продолжали неестественно светиться в темноте, незначительно уступая в яркости разве что большому алому камню на толстой серебряной цепи. — Вот только никакой я тебе не друг. Не имею привычки дружить с едой.

Аланд
де-Оккепирционна

— Едой? Я — еда? Забавная шутка!

— Я выгляжу так, будто шучу? — спокойно спросил он и приподнял бровь. — Я же сказал в прошлый раз: второго шанса у тебя не будет.

— Но как же… — тихо пробормотала Манси, с изумлением смотря в холодные хищные глаза. Её в самом деле собирались выпить?..

— О, а вот и запоздалый инстинкт самосохранения проснулся. Какая жалость.

— Мне надо вернуться…

— Тебе не надо было приходить.

— Я больше не приду! — взволнованно пообещала она, инстинктивно шагнув назад.

— Слишком поздно, — тонко улыбнулся Аланд Оккелирионнэ и подступил к ней ещё ближе, чем стоял до этого. — Но у меня всё ещё достаточно хорошее настроение. Где ты хочешь быть похоронена? Так и быть, я исполню твоё посмертное желание.

— Пожалуйста! В деревне прямо сейчас умирает женщина — мать пяти ещё совсем маленьких детишек. Мне нужно приготовить зелье, чтобы спасти бедняжку!

Он резко наклонился, почти коснувшись носом её шеи, шумно втянул воздух и тяжело выдохнул, горячим дыханием вызывая мурашки иного толка. А потом медленно отодвинулся и плотоядно облизнулся, не спуская с Манси при-

стального взгляда, от которого сладко заныло под ложечкой.

— Ты зелёная ведьма?

— Да! Вы в нас разбираетесь?..

— Разбираюсь. Вы разные на вкус, — саркастически усмехнулся Аланд Оккелирионнэ. И добавил серьёзным тоном, не терпящим возражений: — Я пойду с тобой.

— Зачем?

— Чтобы решить, что с тобой делать дальше. Если талантлива в ведьмовском деле, то заберу в замок. Если бездарна — съем.

— Я невкусная!

— Ошибаешься. По одному запаху чувствую, что вкус у тебя изумительный.

***

Дальше собирать семена не было смысла. Она либо вернётся сюда в любое время с разрешения своего кровожадного хозяина, либо завтра для неё не настанет. Поэтому, подхватив наполовину заполненную корзинку, Манси двинулась по тропинке, у конца которой её поджидал всадник на чёрном коне.

— Иди сюда, — позвал он, низко склоняясь.

Не задумываясь, она вложила руку в раскрытую ладонь. Один сильный рывок — и вот уже Манси сидела у холки жеребца, прижимаясь плечом к твёрдой мужской груди. Рань-

ше как-то не доводилось ездить верхом. В деревне, около которой она жила с юных лет, лошади были лишь у главы. А тот её так же откровенно недолюбливал, как и покойную матушку. Поэтому любому из его сыновей страшно влетело бы за одну попытку с ней якшаться.

Но вот на двадцать втором году жизни ей всё же довелось покататься на лошади. Ещё и в каком сказочном сопровождении! Аж на смех распирало.

— Вот же чудное создание, — тихо буркнул Аланд Оккелирионнэ и подстегнул коня.

От силы час Манси наслаждалась неторопливой поездкой, а потом веселье пошло на спад. Пятая точка как-то подозрительно затекла, будто не сегодня, так завтра собиралась отваливаться от тела. А в голову начали просачиваться разные мрачные мысли. В конце концов, самый волнующий вопрос сорвался с языка:

— А почему вы меня хотите съесть?

— Потому что аппетитная.

— Но вам же необязательно убивать, чтобы питаться, — она поймала на себе его заинтересованный взгляд и продолжила мысль: — достаточно небольшого количества крови, чтобы утолить ваш голод. Думаю, в районе пинты — потери не такие уж и серьёзные, чтобы человек умер.

— Тебя уже кто-то кусал?

— Нет, но я оказывала помощь девушке, которую кусали.

И снова наступила уютная тишина, разбавляемая пронзи-

тельным пением сверчков и ритмичным цоканьем мощных копыт. Видимо, как-либо прокомментировать её слова кровожадный красавчик не счёл нужным.

В самом деле собирался убить из-за того, что Манси ослушалась? Или просто пытался припугнуть? Интуитивно она склонялась больше ко второму варианту. Чего-чего, а вот бессмысленной жажды разрушения в Аланде Оккелирионнэ не чувствовалось. От него тянуло лёгким сквознячком равнодушия, но вовсе не жестокости.

— А ещё я знаю, что ваша слюна отличается от человеческой. В её составе есть что-то такое, что вызывает у людей зависимость. — Манси устала держать спину прямо, поэтому развернулась и расслабленно притулилась лопатками к чужой груди. — Та девушка, как начинала чувствовать себя лучше, сразу устремлялась обратно на работу в вампирский замок. Будто хотела снова оказаться укушенной. Выходит, удовольствие перевешивало последующую слабость от потери крови.

— И правда неглупая, — глухо хмыкнул он. Его большая ладонь легла ей на талию и по-хозяйски придвинула к себе ближе. Теперь Манси прислонялась к нему не одними лопатками, а всей спиной до самого копчика. — Тоже хочешь попробовать?

— О-о, нет! Но спасибо за заманчивое предложение! — захихикала она, а разглядев вдалеке знакомую избушку, всецело переключила на неё внимание: — А вот и дом! Милый

и родной мой дом!

Аланд Оккелирионнэ первым спрыгнул на землю, затем подошёл и протянул ей руки. Манси недоумевающе уставилась на раскрытые ладони. Что он пытался этим сказать? Обещал поймать? Или предлагал забрать корзину? Впрочем, она не любила себя мучить долгими думами: широко улыбнулась и просто-напросто сиганула ему в объятия.

Сначала сильные руки сомкнулись на талии, крепко прижимая к себе, и потом её аккуратно поставили на землю.

— Спасибочки, мой славный друг! — отстраняясь, поблагодарила Манси и, прежде чем побежать к дому, скользнула по застывшему лицу беглым взглядом. Возможно, ей это только почудилось, но Аланд Оккелирионнэ выглядел самую капельку смутившимся.

— Подожди. — Он схватил её за запястье, вынуждая остановиться на полпути к двери. — Сколько тебе потребуется времени, чтобы сварить зелье?

— Думаю, мне хватит трёх ночей!.. Там сложный ритуал, много подготовки. У меня не всё есть. Поэтому где-то две ночи я потрачу на то, чтобы зачаровать травки-муравки… — она неуверенно пожевала губу, обдумывая, успеет ли провести больше десяти обрядов за ночь, и вслух проговорила: — Да, успею… А вот в третью буду варить само зелье!

— Хорошо. Сегодня я тебя оставлю. И приду ровно в полночь третьей ночи. Однако не советую пытаться меня обмануть, и уж тем более сбежать. — В миндалевидных глазах

проскочила ничем не прикрытая угроза. И это был совершенно новый взгляд, от которого впервые повеяло настоящей опасностью. Вот теперь Аланд Оккелирионнэ определённо источал убийственную ауру. — На этой земле нет места, где я тебя не найду.

Глава 2. Невкусное зелье

Аланд

Он мерил комнату широкими шагами, накручивая круги перед зажжённым камином. И что на него вообще нашло? Зачем тащить эту ведьму в свой замок? Конечно, лишних знахарок не бывает, особенно в местах, где живут вампирские семьи, но им же двигали вовсе не расчётливые помыслы.

Подхватив со стола бокал, Аланд залпом допил остатки уже окончательно остывшей крови и подошёл к окну, за которым солнце клонилось к закату. Все три дня странная девчонка не выходила у него из головы: он раз за разом прокручивал её эпатажные номера и весьма неглупые умозаключения. По-хорошему ему следовало ведьму всего-то припугнуть, чтобы у неё больше и мысли не возникло соваться на Дурманову поляну, но уже сейчас Аланд прекрасно понимал, что поедет и заберёт это чудо. И поселит не в дальнее крыло, где ютились в тесноте человеческие слуги, среди которых обитали в том числе и немногочисленные ведьмы, а в собственные покои. Он желал держать её при себе круглосуточно.

— Кто знает, что она натворит, если не следить за ней… — На какое-то время сладкие слова самообмана повисли в воздухе, а потом их припечатало к полу горькой правдой: — Да кого я пытаюсь обмануть!..

Мучительно долгие три года Аланд с ранней весны и до поздней осени каждую ночь выходил на конную прогулку, якобы развлечься и размять темпераментного жеребца. Но на деле всегда останавливался у Дурмановой поляны и внимательным взглядом изучал её на наличие притаившейся в кустах светловолосой макушки. Не находил её и расстраивался.

Конечно, тогда он ещё не осознавал истинной природы собственных чувств, и резко испортившееся настроение не связывал с маленькой ведьмой. Но в ночь, когда решил её проводить до дома, росток сомнения всё же пустил корни в его голове. И теперь разрастался не по дням, а по часам.

В дверь громко постучали, выждали несколько секунд и робко приоткрыли, чтобы в образовавшуюся щель произнести:

— Мой господин, я подготовил, что вы приказали.

— Что из украшений купил? — Аланд распахнул дверь шире и забрал увесистый свёрток из крашеной холщовой ткани.

— Серьги.

— Не припомню… были у неё уши проколоты или нет? — подумал он вслух, а потом посмотрел на слугу, отчего-то

побледневшего до обморочного состояния, и небрежно бросил: — Можешь идти.

Тот прямо на глазах у Аланда сорвался с места и подскочил к лестнице. Запнулся у её основания и едва кубарем не скатился по каменным ступеням.

Да что за слухи о нём такие ходят-то?..

До избушки ведьмы он добрался быстро, хотя выехал уже после заката и коня совсем не гнал. Однако до полуночи ещё оставалось время. И будучи верным своим словам, Аланд стоял метрах в двадцати от дома, поглаживал Черныша по холке и разглядывал ветхое строение.

Покатая крыша местами прохудилась, почти полностью заросла мхом и вьющимися сорняками вплоть до дымохода. Окошки застеклили самой дешёвой слюдой: мелкими и мутными кусками, толком не пропускающими солнечного света. На частокол вокруг огорода и вовсе без слёз не взглянешь — напоминал рот старухи, растерявшей половину зубов.

Скольких мог вместить настолько маленький дом? Наверняка даже семье из трёх человек было бы тесновато. Но Аланд не удивится, если узнает, что там всего одна комната. Одна комната, но плотно набитая ведьмами.

Подставив лицо ночному небу, он отыскал взглядом Большую Медведицу и навёл на созвездие артефактную линзу,

на которой проявился градус, как у солнечных часов. Почти полночь. Можно уже и заглянуть в гости.

Полукруглая дверь распахнулась сразу, словно ведьма всё это время стояла возле неё и ждала стука. Глаза светились изнутри, на губах играла счастливая улыбка. Можно было ошибочно решить, что она искренне радовалась его приходу.

— Всё просто отлично складывается! — взволнованно объявила ведьма, схватила его за запястье и затащила в дом.

Захлопнув дверь и защёлкнув засов, она подбежала к котелку, стоящему у раскрытой печи над небольшой жаровней, и энергично помешала содержимое. Внутри чугунной посудины агрессивно булькала тёмно-зелёная жижа с чрезвычайно ярким зловонным амбре. Аж до рези в глазах. Что на запах, что внешне жижа больше напоминала отраву, чем исцеляющее зелье.

— Ты кого-то убить собралась? — поинтересовался Аланд, прижав платок к носу.

— Чем противнее, тем эффективнее!

— Не хотелось бы у тебя однажды лечиться…

Он шагнул вглубь дома, оглядываясь по сторонам. Внутри предсказуемо оказалось бедненькое, но при этом довольно уютное убранство. Почти по центру комнаты стоял деревянный, грубо сколоченный стол, заваленный различными корешками и травами, множество ящиков и открытых полок подпирали когда-то белые, а теперь грязно-серые стены. Вокруг подоконника у единственного окна на первом этаже

развернулся целый ботанический сад. В углу стояла кровать, застеленная явно собственноручно сшитым пледом из разноцветных лоскутков ткани. А на чердак вела вертикальная лестница, по которой особо не побегать туда-сюда.

— Ты здесь живёшь одна?

— Одна-одинёшенька, — беззаботно подтвердила ведьма.

Она всегда пребывала слегка навеселе. Самую чуточку на кураже. Можно подумать, что горячительными напитками подкреплялась, пока никто не видел. Хотя, учитывая, с какими сложными растениями она работала, немудрено, что эфирные масла из них ей голову дурманили.

— Родители выгнали из дома? С такими кулинарными способностями — немудрено.

— Ох, вот же я хозяюшка, забыла предложить чаю! — воскликнула ведьма, бросая половник. Схватилась за маленький ковшик и замерла. — А вы чай-то вообще пьёте? Или только кровь?

— Мы все виды жидкости пьём. Но, пожалуй, я воздержусь от твоего великодушного предложения. — Аланд развернул стул с высокой спинкой и присел на него. — К слову, убить меня отравой не получится.

— А вот это уже было почти обидно, — хихикнула она. — Вы явно недооцениваете мои способности!

— Так где же твои родители? Почему ты в столь юном возрасте живёшь одна?

— Их нет. Я сама по себе. — Ведьма зачерпнула зелёную жижу и поднесла к лицу, точно собиралась пригубить. Но лишь понюхала и опустила черпак обратно в котелок. — Деревенские говорят: непутёвая мать меня нагуляла. Но сама матушка твердила, что я — плод любви её и отважного охотника, погибшего от зубов хищника ещё до моего рождения. Самой матушки не стало пять лет назад. Её вызвали ко двору князя Басканета. У него старшая дочь слегла с тяжёлой формой болезни внутренних органов, вызванной проклятьем. Матушка несколько суток билась за жизнь княжеской дочки, не смыкая глаз, но всё равно не смогла отвоевать бедняжку у смерти. И как зачастую случается у разгневанных или опечаленных феодалов, в качестве наказания за плохо выполненную работу матушку казнили.

— Но что могла сделать зелёная ведьма перед лицом проклятья?

— Зелёная или чёрная, обычные люди не разбираются в таких тонкостях! Ведьма есть ведьма. Им невдомёк, что мы рождаемся с разными дарами. В лучшем случае нас отделяют от магов, но и на это токмо всякая знать способна. Она поумнее. Начитаннее. Деревенские — простой люд: всех под гребёночку.

— Так ты, получается, совсем одна?..

Она обернулась и, смотря ему в глаза, загадочно улыбнулась:

— Одна-одинёшенька во всём мире. Даже если вы сегодня

меня надумаете съесть, едва ли кто-то завтра будет по мне горевать.

***

Последние сомнения у Аланда отпали. Нечего молодой и хорошенькой девушке жить в одиночестве. У него в замке она будет под присмотром и в безопасности. Возможно, возникнут небольшие сложности с Кираном, не всегда понимающим с первого раза, и Меланией, поскольку та была ещё молода и плохо контролировала жажду. Но с кем-либо из них его юная ведьма вряд ли останется наедине.

— Готово! Можно идти к Агашке, — радостно объявила она и поболтала у него перед лицом стеклянной бутылкой. — Вот эта штучка сегодня сотворит чудо чудное.

— Что ж, посмотрим на твоё чудо, — улыбнулся он одними краешками губ.

— Ты… в смысле, вы… пойдёте со мной?

— Да, — подтвердил Аланд и снисходительно позволил: — Можешь звать меня по имени.

— Да не вопрос!

— Легко переключаешься — хорошее качество.

— Хочешь проконтролировать? Но там не будет мгновенного эффекта. Зелья иначе работают, нежели целительские способности магов.

— Тем не менее мне необходимо лично убедиться в по-

лезности твоих зелий, чтобы решить: съесть тебя или нет.

Всю дорогу до деревни ведьма продолжала уверять его в своей невкусности. На миг отвлеклась, когда под озорной хохот спрыгнула с коня. Аланд уже даже не пытался подать руку, чтобы помочь спешиться, а просто ловил и прижимал к себе хрупкую фигурку, после чего крайне неохотно размыкал объятия. Пожалуй, этот метод спуска ему нравился больше классического. Но, разумеется, исключительно в её исполнении.

Дверь гораздо более убогой лачуги, чем та, где жила чудная ведьма, им распахнул ребёнок лет десяти. Тут же на смуглом лице вспыхнул панический ужас, и маленькие ноги глухо застучали босыми пятками по деревянному полу.

— Ты чем его так напугал? — Она проводила сбежавшего мальчишку недоумевающим взглядом.

— Тем же, чем и других — обычная реакция людей на меня. Это у тебя она какая-то заторможенная.

— Странно, — ведьма чуть склонила белокурую головку набок, вглядываясь в его лицо круглыми глазами, как будто всегда широко распахнутыми в лёгком изумлении, — совсем не страшный. Очень даже красивый молодой мужчина.

— Доиграешься, ведьма, съем тебя, — усмехнулся он.

— Да что заладил: съем и съем! Можно думать, больше есть некого!

При их появлении в жалком подобии спальни пожилая женщина с россыпью глубоких морщин на смуглом лице за-

толкала всех детей в угол, а сама встала перед теми и раскинула руки в защитном жесте, смотря на Аланда со смесью страха и ненависти. Крупный и бородатый мужчина же сжал кулаки, словно желая пустить их в ход, и свирепо рявкнул:

— Ты кого ко мне в дом привела, ведьма?!

— Владельца этих земель, — холодно ответил за неё Аланд. — Я вправе заходить в любой дом, какой сочту нужным.

— Это наш великий князь из Кроктауна — Аланд ле Оккелирионнэ, — она представила его в своей обыденной манере, вытащила из сумки бутыль с зельем и откупорила крышку, вмиг заполнив маленькое помещение поистине дивным смрадом. — Давайте спасать Агашку, пока не стало слишком поздно.

— А почему оно так сильно воняет? — возмутился мужчина, зажав пальцами нос. — Это точно её вылечит, а не добьёт?

— Да вы, что ли, сговорились?! — рассердилась ведьма, вскинув вверх указательный палец. Посмотрела на него и захихикала, чем вызвала ещё больше недоверия на лицах окружающих людей. — Так и должно быть. Чем хуже воняет, тем эффективнее!

Кинув на Аланда затравленный взгляд, мужчина склонился к жене, помогая ей привстать на локти, но зашептал при этом, очевидно обращаясь к ведьме:

— Если ей не дай бог станет хуже от этой дряни, клянусь,

я тебя утоплю в ближайшем болоте.

— Да-да, знаю, прям как в старые добрые времена, — отмахнулась она и, приоткрыв рот женщине, запихала узкое горлышко бутылки, после чего наклонила, чтобы густая жижа потекла вниз по гладким стенкам. — Пей, дорогуша, знаю, на вкус гадость редкостная, но если жить хочешь, то и не такое проглотишь.

Когда всё содержимое бутылки перетекло вглубь тела больной, та стала выглядеть ещё хуже: вся аж позеленела. Сначала кряхтела и слабым голосом повторяла о том, какой забористой отравой её напоили, изверги, а потом и вовсе уснула.

— Прислушайся, — ведьма тормознула мужчину, словно предугадывая его намерения сказать очередную резкость, — прислушайся к её дыханию.

Спящая женщина дышала ровно. Обычное спокойное дыхание.

— Больше хрипов нет, слышишь? Это целебный сон. Она проспит около пятнадцати часов, а когда проснётся, будет здорова. Внутри здорова. С кожи болячки будут долго сходить, но в остальном Агашка будет себя чувствовать хорошо.

Какое-то время он молча смотрел на жену. А потом на голубых глазах выступили слёзы, здоровяк присел на стул возле постели и нежно взял женщину за руку.

— Пойдём, — шепнула ведьма и потянула Аланда за локоть к выходу.

— Ты не берёшь плату за работу? — спросил он, как только они снова оказались на улице.

— Нет, конечно. Да и брать там нечего. Мы помогаем друг другу. Он хороший столяр, если мне понадобится что-нибудь из мебели — не откажет.

— Но он так грубо с тобой говорил, — напомнил Аланд, испытывая запоздалое раздражение, — угрожал.

— Да они все так разговаривают. Обычное дело, — беспечно отмахнулась она. — Ты так-то тоже меня выпить грозился. К слову, я прошла испытание? Ты передумал меня есть?

— Может, передумал, а может, и нет. — Он привычно подтянул её, усаживая на коне перед собой, и добавил, близко склонившись к уху: — Думаю, мне надо ещё какое-то время за тобой понаблюдать, чтобы до конца определиться.

— Я напьюсь специальных настоек, чтоб тебе горько было!

— Какая страшная месть, — не сдержал Аланд усмешки. — Готова к переезду?

— Готова…

Перед тем как отправить ведьму в дом за личными и самыми необходимыми вещами, без которых ей не выжить в замке, он достал из седельной сумки свёрток с платьем и велел:

— Переоденься.

— Зачем?

— В своём обычном наряде ты будешь сильно выделяться.

Она окинула простенький сарафан из грубой хлопчатой ткани вопросительным взглядом, коротко пожала плечами и сцапала свёрток. Вот бы со всеми было так легко и просто, как с ней. Другая девица уже бы безобразную сцену закатила, оскорбившись, что её утончённый вкус не оценили по достоинству, а этой хоть бы хны. Никаких тебе споров или расспросов.

Была бы ещё чуть адекватнее… хотя нет, в некой диковинности и заключалась главная изюминка харизмы симпатичной ведьмочки. Без всех этих её забавных чудаковатостей она вряд ли смогла бы так крепко привлечь его внимание.

Аланд искал в сумке лакомство для Черныша, когда услышал звук открываемой двери.

— Как тебя звать, ведьма? — спросил он, не оборачиваясь, поскольку пальцы наконец смогли нащупать морковку, завёрнутую в тряпицу. У него давно крутился на языке сей вопрос, да всё случай не подворачивался, чтобы тот озвучить.

— Бругмансия Кэбот. А по-простому — Манси!

— Бругмансия, — повторил Аланд, словно стремясь распробовать растительное имя на вкус, и стал медленно разворачиваться к ней, параллельно подсовывая угощение коню. — Так вот почему тебя притянуло к той Дурмановой?..

Он напоролся на неё взглядом и не смог договорить.

Если в деревенском однотонном сарафане Манси ему ви-

делась миленькой девушкой, то в роскошном чёрном платье из струящегося шёлка с полупрозрачными рукавами из узорчатого кружева, которое плавно перетекало на грудь и спину, она предстала в совершенно ином свете. Ныне Бругмансия больше напоминала изящное произведение искусства, наделённое тонкими и сложными деталями. А не менее очаровательные маленькие ушки оказались проколоты. Серьги настолько удачно подчёркивали нежную красоту точёного личика с игриво вздёрнутым носиком, будто были созданы именно для неё.

— Мне идёт? — беззаботно спросила она, устремив в его сторону невообразимо зелёные омуты, напоминающие молодую траву по поздней весне.

Бригмансия Жабот

— Ты прекрасна, — глухо отозвался Аланд, продолжая зачарованно разглядывать Манси. Но затем Черныш больно цапнул за пальцы, доедая остатки моркови, и тем самым вернул его в реальность. — Тебе удобно в таком одеянии?

— А это имеет значение? — Она резко отвернулась, пряча лицо за длинным каскадом из вьющихся волос. — Я думала, нам важнее, чтобы я не выделялась.

— Позже ты сможешь подобрать вещи, что тебе придутся по вкусу. Я привык баловать своих… ведьм. А где твои?.. — И он снова на какое-то время потерял дар речи, увидев котомки, стоявшие у её ног — два огромных куля, похоже, сооружённых из простыней. Из широких прорезей у неаккуратных и явно наспех связанных узлов торчала пышная ботва растений.

Глава 3. Переезд в замок

Манси

На мгновение Манси растерялась, не зная, как реагировать на его категоричный тон. Она ведь не воспротивилась, когда он объявил, что забирает её в замок, приняла буквально сразу. Так почему же тогда Аланд не мог пойти навстречу в столь важном вопросе?

— Это мои детки! — выкрикнула Манси и для убедительности притопнула. — Я не могу оставить их на верную гибель!

— У тебя слишком много деток. Выбери самых любимых.

— Да как у тебя вообще повернулся язык сказать такое матери?

— Какой ещё матери? — мученическим жестом Аланд потёр веки. — Ладно, давай я пришлю слуг на телеге, и они заберут всех твоих деток.

— Нет! Детки могут испугаться незнакомцев и заболеть.

Он посмотрел на неё с недоверием:

— Ты же сейчас издеваешься?

— Нет, — честно ответила Манси, будучи искренне озабоченной судьбой драгоценных цветочков. Каждого она

взрастила собственными руками из малюсенького росточка или даже зёрнышка. Пусть у них не было рта или глаз, чтобы общаться с окружающим миром в привычном смысле, но они тоже чувствовали страх, грусть и радость. — Я совершенно серьёзна!

— Лучше бы издевалась…

Всё-таки Аланд уступил и смирился со своим непрезентабельным видом на коне из-за мешков, которые и правда чуть-чуть выделялись на общем фоне. Но увы, они шли к ней прицепом. Хотел новую ведьму в услужение, придётся пострадать немного.

На самом деле Манси так спокойно восприняла его предложение о переезде, потому что ей и самой хотелось посмотреть на то, как люди жили в замке, ещё и в таком тесном соседстве с вампирами. Возможно, её знания и умения там больше пригодятся, чем в деревне, где не всегда получалось даже куска хлеба добиться в качестве платы за нелёгкий труд. По большому счёту Манси ничего не держало в ветхой избушке, кроме памяти о прожитых вместе с матушкой годах.

Но было и ещё кое-что, повлиявшее на решение…

Она опустила взгляд на ухоженные мужские кисти, уверенно держащие вожжи, и у неё возникло желание провести кончиком пальца по вздувшейся вене на внешней стороне ладони. Манси уже протянула руку, чтобы это сделать, как увидела замок Кроктаун.

Мрачное тёмно-серое строение выросло на вершине пологой горы, точно являлось её естественным продолжением. Вокруг острых шпилей кроваво-красных крыш кружились десятки летучих мышей. Они громко хлопали кожистыми крыльями и так пронзительно пищали, что у неё мурашки побежали по телу.

— Кому-то стало страшно? — прошептал Аланд возле её уха таинственным голосом.

— Думаю, днём он выглядит посимпатичнее.

— Я слышу твоё сердечко, — его губы слегка задели кожу, — оно бьётся как бешеное.

Смущённо поправив волосы, Манси подумала, что такими темпами её в самом деле скоро съедят. А если передумает есть, то она сама на него набросится. Нельзя же так душу ни разу не целованной девицы травить!

В замок они попали явно не через центральные ворота. Слишком уж сдержанно выглядели двери, которые распахнул молодой, но чем-то жутко напуганный мужчина с сальными волосами, собранными в неряшливый пучок. Он бросил на них взгляд, полный ужаса, и поспешил скрыться из виду.

И снова они оказались в одиночестве, но теперь уже в длинном и широком коридоре. Пол этого коридора был выложен мелким камнем, а сбоку тянулся полутораметровый забор из толстых брусков дорогой древесины, отшлифованной и натёртой воском до блеска. По элегантным же калиткам из кованого чугуна легко угадывались стойбища. Несколько наиболее любопытных лошадей высунули головы, разглядывая вернувшихся и новоприбывшую.

Манси увидела возле стены маленькую стремянку. Наверное, благовоспитанные барышни ту использовали для спус-

ка с коня. Вот только ей Аланд и не подумал предложить ступеньки. Он заметил направление взгляда и властно приказал:

— Прыгай.

Каждые последующие объятия оказывались всё дольше и крепче. Возможно, Манси это только чудилось, но, кажется, Аланд не хотел размыкать руки.

— Не отходи от меня, — продолжил он раздавать команды, даже после того, как отпустил. — И вообще постарайся всегда оставаться в пределах видимости. Чтобы я знал, где и с кем ты. Первые дни здесь будет небезопасно. Потом станет проще.

— Почему работник конюшни сбежал при нашем появлении?

— Тебя увидел, — проворковал Аланд, явно испытывая раздражение. — Ты вообще слушаешь, что я тебе говорю?

— Цветочки мои не забудь. — Манси указала пальчиком на мешки.

— Серьёзно? Ты хочешь, чтобы я сам тащил их через весь замок в наши покои? — Он аж брови вскинул от изумления, а потом нахмурился и процедил сквозь зубы: — Да ты точно издеваешься.

— Да с чего мне над тобой издеваться?! Не хочешь, я сама донесу. — Она подошла и потянула за один из кулей, но конь неожиданно издал недовольное ржание и пришёл в движение, переступая с копыта на копыто.

— Отойди, пока Черныш тебя не лягнул.

— О, так тебя зовут Черныш, — обратилась Манси к коню, встав напротив вытянутой морды с умными глазами. — А ты противный парень. Весь в хозяина… И, хозяин, — её взгляд перескочил на угрюмого Аланда, уже стащившего мешки, — я не ослышалась? У нас будут общие покои?

— Да, в моих покоях две спальни. Одна сейчас как раз пустует. — Уголок его рта дёрнулся, будто хотел разойтись в ухмылке, но в последний момент передумал. — Это решение на первое время. Пока ты не привыкнешь.

— Привыкну к чему? К жизни в замке?

— Можно и так сказать, — многозначительно хмыкнул он и таки улыбнулся каким-то своим неозвученным мыслям.

***

Коридоры утопали в вязкой темноте. Изредка встречающиеся зачарованные на долгое горение свечи в изящных бра были не способны рассеять настолько густую тьму. Она льнула к телу, осязалась как что-то почти физическое. Ощущение похожее, как если угодила бы лицом в свежую паутину. Вроде стряхнула липкую и шелковистую сеть, но кожа ещё долго продолжает помнить её бледное касание.

Они шли и шли по этим жутко длинным и запутанным коридорам. Их шаги разносились на много метров вперёд, отражались от глухих мраморных стен, от которых тяну-

ло влажным, замогильным холодом, и возвращались слабым эхом.

— Смотрю, у вас тут окна не пользуются популярностью? — спросила Манси, надеясь, что ей удалось за шутливостью тона спрятать медленно крепнувший внутри страх. А ведь она не из трусливых. Обычно её никакие страшилки не задевали. Но в коридорах мрачного замка царила до того угнетающая атмосфера, что не проникнуться ей было невозможно.

— У тебя ещё и голос теперь дрожит, — усмехнулся Аланд и со сверхчеловеческой скоростью развернулся.

Его лицо застыло в нескольких сантиметрах от её. Манси смогла это определить лишь благодаря слабому дыханию, что ловила на губах.

— Страшно?..

— Беспокоюсь о цветочках, им нужно много света, чтобы не болеть!

— Опять твои цветочки, — тяжело выдохнул он.

На мгновение показалось, что их уста соприкоснулись в намёке на поцелуй, но Аланд снова развернулся и пошёл дальше по коридору. А она сконфуженно прикоснулась к собственным губам. Ей это только почудилось?..

— Не отставай.

Они внезапно вышли к широкой винтовой лестнице, поднимающейся высоко, высоко. Снизу открывался странный вид, словно у бесконечной спирали не было конца. Она закручивалась, постепенно сужаясь до чёрной точки. Но эта

точка не выглядела как конец пути — она притягивала и манила, как неизвестность бездны.

После четвёртого десятка ступеней Манси сбилась со счёта и больше не пыталась вычислить высоту башни, на вершину которой они поднимались. Молча перебирала уставшими ногами и надеялась, что скоро ненавистная лестница кончится.

— Признайся, ты специально окольными путями меня водишь? Пытаешься сильнее запугать?

— Мне больше делать нечего, кроме как кружить по замку с твоими драгоценными цветочками? Мы идём самым коротким путём.

— Ну да, но… — пробормотала она, не желая верить в то, что строение настолько огромное. Конечно, «домишко» и со стороны выглядел впечатляюще, но они уже около часа бродили по его коридорам. Деревню за это время можно было обойти дважды. — У тебя большая семья?

— Нет, я всего пять вампиров породил.

— Тогда зачем построил такие хоромы?!

— Чтобы еды побольше помещалось.

— Еды?

— Слуг.

— Ха, опять твои шуточки! — фыркнула Манси, будучи уверенной, что он даже не кусает эту самую еду.

Девушка, которую она подлечивала из-за регулярных кровопотерь, рассказывала, что в Кроктауне живёт один вам-

пир, являющийся, по сути, там главным, и вот он никогда и никого не кусает. Кровь пьёт исключительно из посуды. И хоть Манси не знала имени этого вампира, почему-то она была уверена, что речь шла именно об Аланде.

— И много тут людей в услужении?

— Около трёхсот.

— С дуба рухнуть!.. Должно быть, ты очень богат.

— Я долго живу. Такие вещи, как золото, накапливаются сами собой.

Наконец-то они закончили подниматься и зашли через обыкновенную дубовую дверь в помещение с невероятно высокими потолками. С них свисали на толстых цепях люстры, усеянные свечами. На каждой было не меньше пары десятков. Но даже такое количество не могло до конца разогнать тьму, царящую в комнате.

Однако бра и люстры не так удивляли, как необычного вида мебель. На её диковинной тёмно-зелёной поверхности, будто чуть зеркальной, играли блики от многочисленных свеч и тихо потрескивающего камина.

— Что это?! — изумлённо воскликнула Манси, проведя кончиками пальцев по гладкой материи, похожей на кожу. — Я видела у главы деревни лавку, обитую тканью. Он её называл кушеткой, но это… всё такое мягкое… здесь можно сидеть?

— Здесь можно и лежать, — усмехнулся Аланд, аккурат-

но опуская мешки на пол, выложенный из продолговатых кусочков тёмно-рыжей плитки. — Один из моих братьев завёл лунную ведьму с сильным даром предвидения. Однажды ведьма во сне узрела далёкое будущее, где существовала эта дивная мебель. Он так воодушевился её рассказом, что по записям и зарисовкам смог воплотить в жизнь чудную фантазию. Столяры долго не могли понять, что Рейн от них хотел. Но он из упёртых. Добился своего, а потом нам разослал копии в качестве хвастливого подарка.

— Брат? — Она обежала странную мебель и плюхнулась на сиденье, оказавшееся даже мягче, чем предполагала. — Имеешь в виду, что вас один вампир породил?

— Нет, брат по материнскому лону. Мы все родились естественным образом. — Аланд присел рядом, хотя вокруг стояло несколько похожих диковинок, на одну из которых он указал пальцем. — Это называется кресло. А мы сейчас сидим на софе.

— Вампиры могут рождаться естественным образом?! — Манси ошарашенно на него уставилась. Не сказать, что она многое знала о размножении кровавых господ, но слух ходил, якобы они проводили специальный ритуал из области чёрной магии: сначала выпивали человека, а потом творили тёмное колдовство. Люди со светлой душой не могли переродиться, поэтому большинство умирало.

— Нет, вампиры перерождаются из крови. Но когда мы появились на свет, то были обычными людьми. Смертными.

А потом в пылу ненависти нас прокляла умирающая ведьма на вечную жизнь в жажде. И мы стали первыми представителями нового вида.

— Ничего себе… это была очень могущественная ведьма!

— Можно и так сказать. Она была последним потомком ушедших богов.

— Но в чём проклятье? Это больше на дар похоже.

— В том, что все вокруг продолжают умирать. Даже тех, кого мы наделяем мнимым бессмертием — их всё ещё можно убить, — мягко улыбнулся Аланд, с грустью смотря на языки пламени, танцующие в камине. — Тёмное колдовство, что мы передаём по крови, боится огня.

— Почему ты всё мне это рассказываешь?

Он положил руку на спинку софы и наклонил к ней ближе, чтобы, заглядывая в глаза, тихо произнести:

— По той же причине, почему и ты мне рассказала свою историю.

***

Они сидели и смотрели друг на друга. Непослушный взгляд Манси то и дело стекал по миловидному лицу с выразительных глаз, похоже, забывших, как моргать, на маняще приоткрытые губы. И чем дольше они пребывали в интимной тишине, тем сильнее сокращалась между ними расстояние.

Было ясно как день, к чему всё идёт. И если бы не одна маленькая досадная мелочь, сумевшая полностью переключить всё внимание на себя, она сидела бы до победного в ожидании, когда их уста сольются в первом её поцелуе. Но не сегодня.

— А как у вас дела обстоят с зовом природы? — спросила Манси, неловко поправляя волосы.

На мгновение Аланд замер, растерянно выпучив на неё живописные зенки. Нахмурил брови. А затем совершенно неожиданно поразил в самое сердечко лукавой усмешкой: по-вампирски чуть клыкастой, но всё равно невероятно притягательной.

— В этом смысле мы не отличаемся от людей.

— А где вы этим занимаетесь?..

— Где? — Он прикрыл рот кулаком, словно из всех сил сдерживаясь, чтобы не ляпнуть лишнего, и посмотрел на неё подозрительно улыбающимися глазами. — Да везде, в общем-то. Нет каких-то строгих правил. Где нужда прижмёт, так сказать.

— Везде?! Но вы же не дикие животные… чтобы везде этим заниматься. Да и ваш внешний образ не вяжется…

— Церковные учения с нашего молчаливого согласия распространяются на здешних землях, но только на обычных смертных. Я и ты, по мнению церкви, — дьявольские отродья. Так с чего нам прислушиваться к её наставлениям?

— А какое отношение церковь… — Она резко замолчала,

озарённая пониманием, что они сейчас говорили о разных вещах. — Нет! Всё не так!.. Другой зов природы. Ну, такой, как водопад. Мощный, с бурным потоком. Понимаешь, о чём я?

— Ты пытаешься сказать… — Аланд оторопело потёр лоб двумя пальцами, — что уже готова?..

— Да ёлы-палы! Чего ты такой непонятливый?! — неприятно изумилась Манси, сжала кулаки и смущённо выпалила: — На горшок я хочу!..

И снова в гостиной наступила тишина. Он окаменел, перестав не то чтобы моргать, но, кажется, даже дышать разучился. Долго и правдоподобно изображал статую. Вдруг громко кашлянул, напугав до чёртиков, и резко отодвинулся, сев к ней боком.

— Тебе необходимо справить нужду?

— Да, именно это я пыталась сказать. — Она вытащила длинные пряди волос из-за ушей и рефлекторно расчесала их пятернёй.

— Отхожее место вот там. — Аланд, не поворачиваясь, указал на узкую дверь позади себя.

— Прямо тут? Как вы на такой высоте выгребную яму умудрились сделать?! Или тут какая-то хитроумная система трубок, как в рассказах иноземцев?

— Просто иди уже, — вздохнул он, спрятав лицо за ладонями.

Послушавшись к чужому совету, да и нужда откровенно

поджимала, Манси зашла в узкий коридор. Плотно закрыла за собой дверь и робко двинулась по нему. По стенам тянулись неглубокие ниши, где стояли подсвечники, а в конце пути её поджидал самый настоящий княжеский трон: большой и деревянный, с дыркой посередине сидения, которую закрывала крышка с ручкой.

Ощущая какое-то восторженное любопытство, она ухватилась за ручку, украшенную драгоценным камнем, подняла крышку и уставилась… в пустоту. Вернее, где-то там далеко угадывалась земля: серая каменистая почва и даже чуть-чуть зелени сбоку. Но на деле выходило, что знатные вампирские особы, все такие подчёркнуто важные и величественные, примитивно гадили на улице. Притом оставляли свои подарочки не где-нибудь в кустиках, а у всех на виду.

Открытие, мягко говоря, ошеломляющее.

— Надеюсь, никакой бедолага там сейчас не гуляет, — проговорила Манси, задирая юбки. А присев, испытала воистину необычайные ощущения от того, что там снизу всё обдувало ветерком, и глубокомысленно подметила: — Так вот что чувствуют птички…

Выпорхнув обратно в гостиную, окрылённая счастьем облегчения, она оказалась сухо отослана в отведённую ей спальню. Всё такое же полутёмное помещение с высокими потолками, но теперь уже деревянными полами. Кроме огромной кровати с массивным резным каркасом, застеленной ярко-красным постельным бельём, пары тумбочек, от-

дельно стоящего столика и небольшого сундука, в комнате ничего не было.

Аж унынием повеяло от дорогостоящего и вычурного аскетизма. Ей всё же были по вкусу более светлые места, наполненные тёплыми красками жизни, а не вот это вот пасмурное великолепие.

Первым делом Манси распахнула тяжёлые шторы, открыв витражные окна во всю стену, и разложила на полу комнатные цветы, прихваченные из дома. Первое время поживут так, а потом им нужно будет соорудить милую полочку — узкую и длинную скамейку поставить перед окнами. Как раз будет заменять недостающий подоконник.

И не успела она перевести дух, как в спальню заявился с десяток служанок. Они притащили огромное корыто и несколько вёдер с исходящей паром водой.

Манси еле отбилась от приставучих ручонок, желающих стянуть с неё всю одежду, включая исподнее. Выдворила боязливо протестующих девиц и самостоятельно помылась. В горячую воду накапали сладко пахнущих масел и накидали свежих лепестков роз, большую часть из которых она потом выловила и разложила сушиться на полу. Позже могут пригодиться в её ремесле.

И уже забравшись в мягкую постель, Манси пробормотала, вяло ворочая языком, за мгновение до того, как провалиться в глубокий сон:

— Сплю на новом месте, приснись жених невесте. Явись с тем лицом, с каким пойду под венцом…

Глава 4. Ночной визит

Аланд

Бесшумно приоткрыв дверь, он вошёл в спальню. Обогнул разложенный аккуратными рядами мусор на полу, не пытаясь постигнуть, что за очередной приступ чудачества накрыл его ведьму, и остановился возле кровати.

Манси лежала на боку, закинув стройную ножку поверх одеяла. Юбка белоснежной сорочки задралась до середины бедра, оголив розовую коленку. Аланд поднёс руки и сохраняя миллиметр до прикосновения медленно провёл ладонью по всей длине ноги до миниатюрных пальчиков, представляя, как шелковиста на ощупь её молочная кожа. Взгляд зацепился за венки на стопе, выпуклый контур которых слегка подсвечивался бледной голубизной. И клыки заныли от жажды, впиваясь в нижнюю губу.

Давненько ему никого так сильно укусить не хотелось. Даже сейчас он прислушивался к замедленному стуку сердца, продолжающего гонять по жилам кровь. Какова она на вкус: сладкая или терпкая?.. И от этой мысли в нём лишь сильнее разыгрался аппетит.

Наклонившись к подушке, по алой ткани которой красиво

разметались серебряные волосы, Аланд зажмурился и втянул одурманивающий аромат тела. Восхитительно. Она пахла поистине восхитительно. Как же хотелось поддаться порыву…

Шумно выдохнув, он заставил себя выпрямиться. Но, видимо, особенно тяжёлый вздох всё же потревожил её сон, поэтому Манси почесала шею и перевернулась на спину. Сонные глазки на миг приоткрылись и снова сомкнулись.

Приятного понемногу. У него ещё будет время насладиться ею во всех смыслах. Хотя рядом с этим неугомонным чудом всё немыслимым образом преображалось. В Аланде пробуждалось несвойственное для него нетерпение. И сегодня так перемкнуло, что он воспринял её неуклюжие попытки выведать о местоположении нужника за желание с ним возлечь.

Достаточно было всего-то прислушаться к голосу разума: с чего вдруг, очевидно, ещё нетронутая девица так резво будет рваться в постель к мужчине? Да, Манси чудная на всю голову, но поводов о себе плохо думать никогда не давала. И осознание того, как сильно он её в моменте возжелал, достаточно болезненно ударило по гордыне.

Аланд видел, что она была очарована им. То, как юная ведьмочка на него смотрела — отличалось. Её мягкий и любопытный взор не шёл ни в какое сравнение с вульгарными заигрываниями прошлых любовниц. Ему нравилось ловить на себе этот одновременно робкий, но в то же время смелый

интерес. И если с другими Аланд вечно растягивал удовольствие, открыто наслаждаясь их муками вожделения нового укуса, специально оттягивал момент близости, то с Манси всё оказалось в точности наоборот.

Он буквально заставил себя выйти из её спальни, чтобы устремиться в крыло замка, в котором жили его отпрыски.

Обойдя несколько комнат, Аланд нашёл лишь нескольких девиц в неглиже, лежащих на кроватях в ожидании, когда к ним кто-нибудь присоединиться. Кровь на их тонких шейках уже запеклась, давно томятся в одиночестве. Он спустился в библиотеку и уже там предсказуемо отыскал старшую дочь, сидящую за очередным рукописным томом мудреца из числа уже упокоившихся смертных.

— Где Киран? — спросил Аланд, опустившись в кресло напротив.

— Я его не видела со вчерашней ночи. Думаю, он отправился в город, — вкрадчиво ответила Лилит и перевернула хрустящую страницу с тихим шелестом. — Заметила, вы лично привезли смертную в замок. Это ваше новое развлечение?

— Как раз насчёт Бругмансии я и хотел с ним поговорить. Но раз Кирана нет, то передам через тебя: ведьму нельзя трогать. Даже чуть-чуть. Если хотя бы капля крови её прольётся, я буду говорить с вами по-другому.

— Вы стали жаднее, отец, — тонко усмехнулась она, встретилась с ним взглядами и уже в следующую секунду

стёрла с лица ироничную улыбку, поняв, что он не шутит. — Я передам младшим. Но не могу ручаться, что Киран прислушается к моим словам.

— С ним, чувствую, мне в любом случае придётся отдельно потолковать, — утомлённо согласился Аланд и посмотрел на ночное небо за окном. До рассвета не больше часа осталось. — Как там Мелания?

— Елена в основном занята её воспитанием. Вильям помогает от случая к случаю. У неё сохраняются сложности с подавлением жажды. И она всё ещё плохо чувствует меру, когда питается напрямую из людей. Обжирается, срыгивает большую часть и снова испытывает голод.

— Да, это проблема. К пятидесяти годам большинство вампиров адаптируются, что же её так сильно тормозит?.. — Он в задумчивости покачал ногой.

Ему доводилось слышать от старшего брата, поставившего цель в жизни — наплодить как можно больше вампиров, что некоторые перерождаются в безмозглое подобие их вида: такие существа не могут контролировать жажду ни через пятьдесят, ни через сто, ни через двести лет. Они походили на бракованные образцы, которые необходимо безжалостно уничтожать, дабы не бросать тень на всю популяцию.

Сейчас брат склонялся к тому, чтобы сделать рубеж в принятии решения: жить вампиру или сгореть в пламени, как неудачному опыту, — в пределах ста лет. Если за это время новорождённый не сумеет в полной мере овладеть собствен-

ной жаждой, значит, и в будущем будет представлять жалкое подобие вампира. Стало быть, такое существо гуманнее убить.

— Жаль будет её распылять, — сухо произнёс Аланд, поднялся на ноги и, прежде чем уйти из библиотеки, любезно предостерёг самую хитрую из дочерей: — За Кирана, так и быть, сниму с тебя ответственность. Но если Бругмансию цапнет кто-то из младших, включая Меланию, то разделишь с ними поровну наказание. Мы поняли друг друга?

— Да, отец. Я вас поняла, — смиренно ответила Лилит, не поднимая на него глаз. Превосходно исполняла роль послушной дочери.

Глава 5. Кровавое знакомство

Манси

Проснулась Манси поздно — солнце уже почти достигло зенита. Первым делом она собрала высохшие за ночь лепестки в маленький холщовый мешочек. И не успела толком озаботиться собственным внешним видом, как в комнату налетела целая толпа служанок. Они притащили ей с десяток платьев, среди которых Манси выбрала самое простое: из тяжёлой серо-голубой ткани с узкими рукавами и прямой, расширяющейся к полу юбкой. В таком хоть ходить, хоть бегать будет удобно. Кто его знает, какие приключения её настигнут в мрачных стенах замка Кроктаун.

Но по понятной причине служанки оказались недовольны выбором. Пытались убедить, что лучше надеть платье с расширяющимися книзу рукавами или хотя бы с глубокой горловиной. Так надоели, что Манси припугнула их, пообещав намотать вокруг шеи ещё и шерстяной платок, если не отстанут.

И вот уж странная штука, угроза сработала. Девушки подхватили остальные одежонки и разбежались, оставив её… голодной.

— Красивый бантик нацепили, а покормить?.. Забыли, — смотря на плотно закрытую дверь, меланхолично подытожила она. — Нет. Раз еда не идёт ко мне, то я пойду к ней!

Выйдя в общую гостиную, Манси в нерешительности потопталась у двери, которая, по идее, вела в спальню Аланда, но так и не рискнула туда заглянуть. Вдруг он там в непотребном виде: с обнажённой грудью или того хуже — неприкрытыми пяточками. Сумеет ли устоять перед искушением?.. Нет, ей такого счастья не надо. И без того всю ночь сегодня снился.

По вампирским меркам, время ещё совсем раннее. Они наверняка просыпались лишь после обеда, ближе к вечеру. Вряд ли Манси наткнётся на кого-либо из его детей. Но на всякий случай она распихала по карманам защитные ведьмовские мешочки. Лучше перестраховаться.

Коридоры даже днём утопали в темноте. С какой стороны ни глянь, в местных хоромах катастрофически не хватало солнечного света. Ни один цветочек в таких условиях не выживет. Не обязательно везде врезать окна, тем более в некоторых местах это физически невозможно, но всё же люди уже придумали всякие хитроумные техники. Те же зеркала отлично справлялись с рассеиванием света.

— Не существует пути к счастью. Счастье — и есть путь, — философски отметила она, забредя в очередной тупик. Уже четвёртый в бесконечном лабиринте. Развернулась, собираясь пойти в обратную сторону, и едва свечку не вырони-

ла от неожиданности. У неё прямо за спиной стояла красивая девушка со светящимися в темноте багряными глазами. — Доброго… утречка?.. А вы ранняя пташка!

— Добрый вечер, — насмешливо отозвалась темноволосая незнакомка. — Вам опасно здесь одной гулять. Кто-нибудь может случайно укусить.

Она стояла на расстоянии вытянутой руки и пристально смотрела на Манси. Вроде не делала ничего подозрительного: не пыталась подойти ближе, не демонстрировала острые клыки, в конце концов, не облизывалась в предвкушении сытной трапезы, — но отчего-то всё равно все волоски на теле встали дыбом.

Идеальная фарфоровая кожа, маленький точёный носик, пухлые губы и внимательные раскосые глаза. Чего здесь пугаться? Обыкновенная девушка, пусть из кровавых господ. Вот только всё внутри у Манси вопило об опасности, шестое чувство сходило с ума от тревоги.

— Я старшая дочь Аланда ле Оккелирионнэ — Лилит, — представилась она, намотала на палец вьющуюся прядь чёрных как смоль волос и тонко улыбнулась. — Не бойся, Бругмансия. Я тебя не укушу.

Лилит
де Оккепирционна

— Да зачем меня кусать? Я тощая и совсем невкусная. Много чеснока ем!..

— У всех вкусы разные. И для кого-то ты можешь оказаться лакомым кусочком.

— Говорите так, будто я — поджаренный кусочек мяса.

— Нет, ты — сочное мясо с кровью. В некотором роде запретный деликатес.

— Какой милый комплимент, — хихикнула Манси, пытаясь невзначай обойти Лилит. — Не то что эти стандартные про красивые глазки и милые улыбки. Знать, что тебя кто-то хочет съесть это… воодушевляет.

— Воодушевляет?

— Ага, воодушевляет на побег, — бросила она и, подхватив юбки, сорвалась с места, побежав куда глаза глядят. Всё-таки удобное платье выбрала, ноги совершенно не путались. А в этих, с многослойными пышными подолами, так резво не поносишься. Как знала, что улепётывать придётся.

— Ты хочешь поиграть? — рядом с ухом азартно спросила Лилит.

— Нет, вообще не хочу, — испуганно пискнула Манси и круто завернула за угол, пытаясь сбросить хвост. А за углом она со всего маху на кого-то налетела. На кого-то высокого и с твёрдой грудью.

Чужие, но в то же время показавшиеся знакомыми руки сомкнулись у неё на пояснице и крепко прижали к себе.

— Что здесь происходит? — обманчиво спокойно спросил Аланд.

— Мы познакомились и решили немного порезвиться, — ответила ему Лилит без намёка на одышку.

— Ты плохо меня поняла?

— Нет, я хорошо вас поняла, отец, — из её воркующего голоса окончательно исчезли игривые нотки. — Подобного больше не повторится.

Он на миг разомкнул объятия, чтобы наклониться и подхватить Манси на руки. И только оказавшись на весу, она поняла, что её продолжала колотить мелкая дрожь. Беготня по тёмным коридорам от вампирши, вошедшей в раж от погони, — явно забава не для слабонервных.

— Я же тебе говорил быть всегда у меня на виду? — Аланд и не пытался скрыть укора в голосе, пока нёс её в неизвестном направлении. — Что тебе помешало дождаться моего пробуждения?

— Голод, — нервно хихикнула Манси и помотала на весу ногами. — Я отправилась на поиски кухни. Это было увлекательное путешествие!

— Тебя не кормили? — удивился он, резко развернулся, зашагав в противоположную сторону, и сам с собой заговорил: — Ничего не могут сделать как следует. Я был с ними излишне мягок?.. Это легко исправить.

***

Пришлось чуть ли не с боем отвоёвывать возможность самой себе приготовить поесть. Её желание погреметь кастрюлями у него в голове не укладывалось, поскольку в замке были слуги. То, что Манси могло банально нравиться готовить, древний мозг упорно не хотел принимать за аргумент.

Однако она добилась своего, Аланд принёс её на кухню и приказал замершим при их появлении работникам покинуть помещение. Те на глазах испарились, просочившись через всевозможные щели. Поэтому уже через минуту в небольшом, но на редкость светлом помещении для этого замка, не осталось никого, кроме них.

— Зачем выгнал славных человечков? — Манси с интересом огляделась по сторонам. Столько кастрюль, аж глаза разбегались. Но опять-таки ни одного цветочка. И как они так живут, без комнатных растений? — Я много места не заняла бы. Где-нибудь в уголке притулилась бы. Неудобно получается. Они же готовили на ораву работников. А тут я по-

клевать воробушком прилетела.

— Почему ты в последнее время так сильно изменилась?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты себя ведёшь почти как нормальная девушка. — Он встал рядом, прислонившись бедром к высокой столешнице. — Куда делись твои чудачества, мечтательный взгляд?

— Говоришь какие-то глупости, — хихикнула Манси и достала из корзинки пару яиц. Поставила кастрюльку на огонь и, пока вода в ней закипала, отправилась искать ситечко и уксус, чтобы через несколько минут усердных поисков вернуться уже с добытыми трофеями. Она аккуратно разбила яйцо в ситечко и призналась: — Когда я колдую, то немного иначе себя чувствую.

Манси помешала воду в кастрюльке и в образовавшуюся воронку вылила яйцо.

— Мир становится ярче и… забавнее. Во мне начинает бурлить энергия. И хочется делать разные вещи: петь, танцевать, летать.

— С последним ты, наверное, испытываешь небольшие сложности, — отметил Аланд.

— Как это низко!.. И очаровательно, — фыркнула она и весело рассмеялась. — У тебя просто очаровательное чувство юмора!

— Беру свои слова обратно. Я поторопился с выводами. Чудачества на месте. — Аланд посмотрел на неё чуть прищуренными глазами, в которых плескалось целое море теп-

ла.

В этот момент он показался таким необыкновенно прелестным. Его дивные черты лица окончательно смягчились, острота ушла на задний план, а вперёд вышла нежность, как у распустившегося бутона кадупула. И Манси не вытерпела: так близко подступила к нему, что уловила ненавязчивый аромат апельсинового дерева, исходящий от свежей рубашки с накрахмаленным воротничком, привстала на носочки и невесомо чмокнула в щёку.

А вернувшись к кастрюле, она полностью сконцентрировалась на вылавливании яиц шумовкой. И лишь когда опустила их в холодную воду, позволила себе кинуть беглый взгляд на продолжающего стоять неподвижно Аланда.

— Ведьма, надеюсь, ты осознаёшь, что открыла врата в бездну, — тихо усмехнулся он и медленно облизал губы, заставив её почувствовать волнительную щекотку в районе сердца. — Сможешь справиться с последствиями?

— Смогу иль нет — покажет время. Я верю в судьбу: что у каждой травинки есть душа; что любая встреча не случайна. Может, наши души в прошлых жизнях были связаны одной линией судьбы.

— Во что ты только ни веришь… Но зачем травинке душа?

— Чтобы радоваться касанию солнышка и печалиться от безжалостных ударов дождя. Чтобы иметь силы восстать для помощи крохотной букашке, мечтающей взглянуть на без-

облачное небо, а в конце оказаться съеденной коровой.

— Какая у неё грустная судьба.

— Почему грустная? У всего в природе есть начало и конец. Умирать так же естественно, как и рождаться.

— Но в таком случае я противоестественен по своей бессмертной сути, — сумрачно произнёс Аланд.

— Сложный вопрос… Ты был рождён естественным способом, поэтому в основе своей являешься такой же частью природы, как и я. Встреча с могущественной ведьмой и проклятье на вечную жизнь в жажде, — всё это испытания, которые подготовила для тебя судьба.

За то время, что они болтали, Манси успела разрезать свежеиспёченные булочки, найденные на кухне в большой корзине возле печки. Смазать их сливочным маслом, посыпать яйца сверху мелко нарезанной зеленью и надорвать сбоку свернувшийся белок, давая вытечь желтку.

— Ты испробуешь моё жидкое солнце? Это довольно вкусно.

— Я бы хотел испробовать кое-что другое, — мурлыкающим голосом произнёс Аланд, положив ладони на край столешницы по бокам от неё. Его грудь прижалась к спине Манси, а нос зарылся в волосы у затылка, шумно вдыхая и выдыхая. Он мягко провёл пальцами, подцепляя длинные пряди, и перекинул их на одну сторону, оголив шею сбоку.

Она замерла, сама не зная, чего ожидая.

Его мягкие губы прижались к местечку у самого края во-

ротника и медленно двинулись вверх, оставляя за собой цепочку из влажных поцелуев. Нежно ужалили в щёку и обожгли горячим дыханием ухо:

— Вернул.

***

После сытного позднего завтрака, за которым Аланд съел за компанию лишь парочку ломтиков помидора, они направились на прогулку по замку. Он рассказывал о том, как воздвигались отдельные части монструозного строения: постепенно вырастала башня за башней, растягивались пристройки для слуг. Посвятил в то, с какими сложностями пришлось столкнуться из-за горной почвы. Колодец и вовсе стал главным испытанием для Кроктауна.

— Твои глаза сегодня выглядят иначе, — заметила Манси, когда они вышли в коридор, утопающий в ласковом свете закатного солнца, благодаря большому количеству окон. — Не такие красные, как раньше. Скорее тёмно-алые, даже ближе к винному оттенку, напоминает лепестки подсохших роз. Красиво…

— Питание влияет на их цвет. Яркий окрас говорит о недавней трапезе человеческой кровью. Кровь животного утоляет жажду, но не даёт такой… подъём энергии, как бы ты выразилась, — усмехнулся Аланд и, приобняв её за талию, мягко направил в нужный им коридор у внезапно воз-

никшего распутья.

— Так ты, получается, сегодня пил кровь несчастного животного?

— Нет. Я сегодня ещё не питался.

— Почему?

— Потому что кое-кто не дождался моего пробуждения, — напомнил он вкрадчивым тоном, — и отправился на поиски приключений.

— На поиски еды, — важно поправила Манси, вознеся палец, и хихикнула.

— О да, это кардинально меняет смысл сказанного.

— А что там находится? — поинтересовалась она, когда они прошли мимо очередного ответвления коридора, ведущего направо.

— В том крыле живут мои дети. Тебе там не стоит гулять.

— Ты говорил, что породил пять вампиров. Это много или мало? Сколько ты ходишь по этой земле?

— Меня прокляли четыре века назад. Много или мало, смотря с кем сравнивать… Мой младший брат, о котором я уже один раз упоминал в рассказе о лунной ведьме, породил всего одного вампира. А старший брат за это же время — две сотни. У них разные цели в жизни. Рейн увлечён абстрактными идеями. Его очаровывают с одинаковой силой пророчества и наука. Вальдемар занят воплощением в жизнь более практичного замысла. Он хочет создать новое общество, над которым будет властвовать.

— А ты? — Манси заглянула в отстранённые глаза. — В чём заключается смысл твоей жизни?

— Нет никакого смысла в моей жизни. Я просто существую.

— У всего есть смысл. Ты пока его не нашёл, вот и всё.

— И в чём же заключается смысл твоей жизни? — Аланд скосил на неё смеющийся взгляд. — Цветочки расставлять по моему замку?

— Озеленить эти хоромы — один из подпунктов, — весело поддакнула она, привстала на носочки и крутанулась на месте. Воображение тут же нарисовало, как прекрасен будет этот коридор, если уставить его горшками с пышной зелёной ботвой. — Растения — это жизнь. Там, где их нет, серо и уныло. Я люблю цветы, землю, небо, солнце, воду, пение птиц, стрекот кузнечиков… Знаю! — Взгляд метнулся обратно к Аланду, с тихим интересом смотрящим на неё. — Смысл моей жизни в любви! Чтобы любить всё вокруг!

Смущённо прыснув, Манси побежала по коридору, не переставая заливисто хохотать. Завернула за угол и непонимающе уставилась на странную картину, развернувшуюся метрах в пяти дальше по коридору: девушка в чёрном изысканном платье с белым кружевным воротничком стояла на коленях, склонившись над служанкой, лежавшей на полу. Что именно она делала, было не совсем понятно, но под ложечкой неприятно засосало.

— Проклятье, — выругался Аланд и подскочил к наряд-

ной девушке, чтобы схватить за короткие тёмно-каштановые волосы и грубо отшвырнуть в сторону от служанки, чьё горло заливала кровь.

Вампирша врезалась в стену напротив и по ней сползла на пол, смотря на своего отца испуганным зверьком.

— Что ты здесь делаешь, Мелания? — сухо спросил он, впиваясь в дочь непривычно ледяным взглядом. — Что непонятного в словах: «Не покидай северное крыло»? Мне тебя на цепь посадить?..

Манси перестала их слышать, опустившись на колени возле девушки с разорванным горлом. Она зажала ладонью рану, но кровь продолжала хлестать, пульсирующими толчками выходя из тела. Как много крови. Должно быть, задело один из толстых сосудов в шее. Рука нырнула в карман, нащупала и достала ведьмовские мешочки. Было неудобно, но ей всё же удалось распотрошить тот, в котором были листья крапивы.

Выловив все имеющиеся зёрна дурмана, Манси закинула их в рот и стала старательно пережёвывать в кашицу. Пальцы свободной руки тем временем перетирали листья и кусочек глины с дна вороньего болота. После чего она выплюнула в ладонь зёрна и смешала их с черновой заготовкой прямо на полу. Смесь получилась очень густой, но крови было столько, что это даже к лучшему, сработает как пробка.

Голова стала дивно невесомой, будто её воздухом накачали. А ещё появился лёгкий гул, похожий на тот, когда при-

слоняешь морскую раковину к уху. Но Манси старалась не обращать внимания на изменения внутри, полностью сконцентрировалась на ране и заговоре. Тараторила первое, что приходило на ум: просила жилы сшиваться, а кровь густеть.

Она не чувствовала хода времени, поэтому не знала, сколько так сжимала рваную рану и продолжала судорожно бубнить. В один момент девушка просто-напросто взяла и перестала хрипеть.

Манси поднесла мокрый палец к носу бедняжки, почувствовала слабое дыхание и обессиленно села на пол рядом, привалившись спиной к стене под подоконником. И лишь затем её усталый взгляд переместился на Аланда, стоявшего чуть в стороне от дочери, поскольку ту, совершенно очевидно, недавно стошнило. Согнувшись пополам, она упиралась ладонями в колени, шумно дышала и время от времени сплёвывала розоватую слюну.

На каменном полу перед ней разлилось бескрайнее море из крови.

Всё вокруг обагрилась: пол, стены, потолок.

Всё потонуло в алых красках…

Медленно выпрямившись, Мелания скользнула безразличным взглядом по служанке и остановилась на Манси. Её взгляд нельзя было назвать агрессивным или коварным, он демонстрировал новые грани зловещего предчувствия скорой беды. Ясно давал понять, что в этом существе в облике красивой и молодой девушки не осталось ничего человече-

ского — оно давно и безвозвратно утратило способность испытывать жалость и раскаяние.

Мелания
де Оккепирионна

Звонкая пощёчина заставила покачнуться голову Мелании. Она схватилась за щёку и устремила на Аланда испуганный взгляд, как у побитого щенка, не понимающего, за что его наказывал хозяин.

— Долго будешь смотреть со стороны? — холодно спросил он.

— Я ждала подходящего момента, — ответил ему женский голос. И будто из ниоткуда появилась Лилит в углу. — Вы были так разгневаны, что я не решалась показаться.

— А может, наслаждалась представлением и надеялась, что я тебя не замечу?

— Нет, конечно, у меня и в мыслях подобного не возникло. Чтобы вы и не заметили…

Аланд посмотрел ей прямо в глаза, отчего она вся вытянулась, как по струнке, и скупо приказал:

— Отведи Меланию в покои и запри.

— Хорошо, отец. — Лилит покладисто склонила голову. Подхватила сестру под руку и утянула вслед за собой, точно сбегая с места преступления.

Глава 6. Опасное искушение

Аланд

Он не сомневался, что старшая дочь специально подстроила эту безобразную сцену. У Мелании нет проблем с пониманием приказов. Она сама не рискнула бы вылезти из северного крыла, если бы её не привела за ручку Лилит. Но зачем та натравила сестру на прислугу? Хотела напугать Манси?

Обойдя чудом выжившую девчонку, Аланд присел на корточки напротив, как оказалось, невероятно талантливой зелёной ведьмы, сумевшей вытащить уже покойницу с того света — с такими ранами едва ли кто-то был способен выжить. Широко распахнутые изумрудные глаза с огромными зрачками невидяще смотрели перед собой. Он нежно погладил её большим пальцем по щеке, стирая кровавые мазки, и улыбнулся, поймав на себе более осмысленный взгляд:

— Ты молодец. Спасла девочку.

— Спасла… Надо её срочно отнести к лекарю! — Манси поймала его ладонь, крепко вцепившись в неё сильными пальцами, и встревоженно вскинула брови. — Кровь… так много крови не течёт… Остановилась. Но бедняжка всё ещё

слаба!.. Нужны и другие лекарства восстановления жизненных сил!

— Хорошо, слуги…

— Нет-нет! Слуги — долго!

Аланд не стал вступать с ней в спор, поскольку она находилась в ещё более странном состоянии, чем обычно. Может, сложное колдовство столь сильно отразилось, сейчас взгляд отдавал подлинным безумием, словно Манси окончательно помешалась умом. И поэтому он молча взял служанку на руки и понёс в крыло к слугам, с беспокойством поглядывая на пританцовывающую вокруг ведьму, которая продолжала лихорадочно перечислять травы и коренья.

Люди, как обычно, бурно реагировали на его появление. Большинство первым делом кинулось врассыпную, пытаясь спрятаться по комнатам, а потом заметило, что одна женщина осталась стоять по центру коридора. Она шокировано смотрела на девушку, лежавшую у него на руках. И тогда, учуяв грядущее представление, слуги, подобно трусливым, но любопытным крысам, поползли обратно.

— Ноночка! — воскликнула она и рухнула на пол.

К ней тут же подскочила Манси, помогла подняться и принялась объяснять, что всё самое страшное позади. По мере того как до женщины доходило, что жизни её дочери ничего не угрожает, а спасла эту жизнь стоящая перед ней ведьма, она всё сильнее тряслась и причитала бесконечные «спасибо».

Женщина снова рухнула на пол, встав перед Манси на колени, и, надрывно рыдая, стала пытаться поцеловать руки, перепачканные в засохшей крови.

Аккуратно передав девушку местным лекарям, Аланд заметил заинтригованную морду казначея, торчащую над стайкой шумно переговаривающихся кухарок. Он поманил мужчину пальцем и отошёл за угол.

— Вы что-то хотели, мой господин? — малодушно проблеял казначей.

— Выдай дочери и матери оклад в десятикратном размере. Если они захотят покинуть замок, то удвой сумму.

— Но это же получится целый золотой!..

— Мне повторить? — ласково спросил Аланд, начиная раздражаться.

— Нет, мой господин, я вас понял!

Он вернулся в коридор к прислуге, собравшейся плотным кольцом вокруг Манси, а при его появлении снова кинувшейся врассыпную, будто по команде. Ещё и её попытались за собой утащить, едва успел сцапать за узкое запястье.

— Отпусти, — приказал Аланд женщине, продолжающей тянуть его ведьму за локоть. Та побледнела и, кинув сочувствующий взгляд на Манси, юрко прошмыгнула за дверь.

— Да тут всем необходима валерьяна! До чего же запуганный народец! Но ничего, я сварю целую кастрюлю моей настойки «усмиритель головабеды», — пообещала она, сама взяла его за ладонь и помотала их сцепленными руками. —

Я тут всех, всех, всех успокою!

— Кто бы тебя успокоил…

— А зачем меня успокаивать? — Манси по-птичьи резко вскинула голову и уставилась на него всё такими же огромными зрачками. — Я спокойна, как море в штиль. Вщюх, вщю-ю-юх…

— Да, спокойнее только пульс у покойника, — пробормотал он и скользнул взглядом по перепачканному платью. Её всю не помешало бы хорошенько помыть, а потом спать уложить. Может, сон окажет целебное свойство для головы.

Зычно приказав подготовить главную купальню, Аланд неторопливо двинулся в сторону ванных комнат, прекрасно зная, что слуги устремились туда по внутренним ходам в стенах замка. К моменту, когда он подведёт Манси к дверям, те уже успеют натаскать кипятка.

Однако в самый последний момент Аланд неожиданно передумал передавать её в руки несмышлёным служанкам, неспособным ничего сделать нормально. Решил сам помыть. Он ожидал столкнуться с сопротивлением со стороны Манси — совсем юной и не развращённой пороком сладострастия девицей. Но, возможно, из-за особенного состояния, она сейчас всё иначе воспринимала, поэтому спокойно дала себя раздеть, лишь изредка вздрагивала от прикосновений и похихикивала.

Развернув спиной податливую ведьму, Аланд прихватил подол незатейливой исподней рубахи и медленно потянул

вверх, освобождая её от последнего клочка ткани. Его голодный взгляд с ног до головы облизал стройную фигурку, с разбега сиганувшую в ванную. Та была большой, но не настолько, чтобы выкидывать такие номера.

— Не ушиблась? — обеспокоенно спросил он, помогая всплыть над водой. Присел на каменный бортик и заглянул в глаза, горящие жизнью.

— Не-а, — беззаботно отозвалась она, набрала полный рот воды, вытянула губы трубочкой и выпустила ту тонкой струйкой, после чего широко улыбнулась: — Водичка замечательная, запрыгивай!

— Если я присоединюсь к тебе, то одним купанием дело не ограничится, — усмехнулся Аланд, смочил тряпицу и потёр ей о кусок мыла, стараясь лишний раз не разглядывать запретный нынче плод. — Я и так из последних сил сдерживаюсь от искушения.

Подтянув к себе ближе Манси, он нежно потёр её плечи и спину, сполоснул водой из ковшика и заметил симпатичное родимое пятно на правой лопатке. По форме оно напоминало воронковидный венчик цветка: сверху пышный с острыми краями и плавно сужающийся книзу. Ведьмовская метка? Красивая. Ей идеально подходит.

Аланд наклонился и поцеловал очаровательное пятнышко. Услышал её шумный вздох и ускорившийся стук сердца и не смог остановиться, устремившись вверх губами по влажной коже. Рука нырнула в воду и за плоский живот притяну-

ла ещё ближе, почти вытаскивая из ванной. Он провёл языком по шее, царапая клыками нежную кожу. Жажда и желание укусить затмили остальные мысли — заткнули голос разума. И он почти поддался этому порыву, остановившись кончиком языка на маленьком участке, под которым бойко пульсировала жилка…

— Нет, — прошептал Аланд, заставляя себя отпрянуть от замершей Манси. Маленькой и сумасбродной глупышки, не понимающей, что дальше произойдёт. Вскочил на ноги и зашагал к выходу из купальни. — Я подожду тебя за дверью.

Он встал в предбаннике напротив умывальника, над которым висело маленькое и круглое зеркало, вцепился в край плоской каменной раковины и посмотрел на собственное мутное отражение. Ну и видок… Безумие заразно? Вроде бред, но в то же время с каждым днём Аланд всё больше сходил с ума от влечения к невозможной ведьме. И сейчас находился в миллиметре, чтобы не схватиться за дверную ручку.

Наклонив висящий сбоку рукомойник, он подставил под тонкую струйку холодной воды ладони и сполоснул лицо.

Какого чёрта она так реагирует на него? Почему так доверяет? Почти сама соблазняет!

Ему ни в коем случае нельзя возвращаться…

Глава 7. Жестокие уроки

Манси

Несколько дней стёрлись из её памяти. Словно их и не было. Последнее, что она помнила, как они встретили Меланию, вгрызающуюся в горло неудачливой бедняжки. А потом Манси пыталась ту спасти — и дальше всё как в тумане. Отдельные отрывки из ванной, сладкое предвкушение, разочарование, а потом пустота.

Нет, она смутно припоминала, как просыпалась и ложилась вновь спать. Озабоченный взгляд красных глаз. Чувственные, но уверенные прикосновения тёплых ладоней. Но что конкретно Манси делала в долгие промежутки бодрствования между снами — всё размыто. Сегодня впервые проснулась с ясной головой.

— Как себя чувствуешь? — тут же спросил Аланд, стоило ей выйти в общую гостиную.

— И вам чудесного дня, мой безгранично вежливый друг.

— Какой ещё друг?.. Тебя всё ещё не отпустило?

Он стремительно к ней подошёл, властно прихватил за подбородок и приблизил лицо, внимательно вглядываясь в глаза.

Собирался поцеловать?..

Незаметно привстав на носочки, Манси замерла. Даже голову слегка наклонила, чтобы ему удобнее было это сделать. Но Аланд по какой-то причине передумал одаривать её незатейливой лаской. Шумно вздохнул, как будто с облегчением, и вернулся к столу, на котором стоял бокал с кровью.

— Ты завтракаешь?.. — разочарованно поинтересовалась она и опустилась на пятки.

— Да. Твою еду тоже скоро принесут.

— А чья кровь?

— Это имеет значение?

— Молоденькой девушки?

Он уставился на неё, в немом изумлении приподняв брови, а потом ухмыльнулся каким-то своим мыслям и потянулся за бокалом.

— Не знаю, мне без разницы, чья кровь. Кто-то из слуг жертвует. И судя по тому, что вкус всегда отличается, это делают разные слуги.

— Сам ты не кусаешь?

— Иногда кусаю.

— А меня укусишь? — Манси подошла к столу и проследила взглядом за тем, как он поднёс ко рту бокал, не торопясь, отпил крови и облизал побагровевшие губы, на миг продемонстрировав длинные клыки. — Мне будет больно?

— В процессе никому не больно. Потом — да. Ранки будут болеть, и в теле появится слабость. Но вообще во мно-

гом зависит от того, сколь нежен окажется вампир. Каждый кусает по-разному: один оставит пару аккуратных проколов, ты и не заметишь, пока не нащупаешь их рукой; другой разворотит страшную рану — чудом живой останешься.

Всё, что она хотела, расспросить не получилось. Аланд резко сменил тему, сообщив, что появилась потребность немедленно выехать в город. Хотел взять её с собой, но Манси отказалась, поскольку собиралась навестить укушенную Меланией бедняжку. И в целом её тянуло в местную лечебницу. Может, им помощь какая нужна.

Сначала он не желал оставлять Манси одну в замке наедине со своими кровожадными детками, но потом всё же со скрипом согласился, но наказал ни в коем случае не соваться в северное крыло. И вообще, чтобы лишний раз она не гуляла по замку в его отсутствие: сходила к слугам и обратно в покои вернулась.

Проводив своего жутко встревоженного вампира, якобы всё ещё размышляющего над тем, чтобы её съесть, Манси отправилась в лечебницу и всю дорогу не могла стереть с лица радостной улыбки. Он похож на симпатичные плоды репейника: вроде колючие, а ранить неспособны, ещё и липнут то к юбке, то к рукам.

Работники замка встретили Манси тёплыми приветствиями. Каждый был искренне рад её видеть. Хоть она там никого толком не знала, но впервые ясно почувствовала, что оказалась на своём месте. В деревне ей о таком славном при-

ёме и мечтать не стоило. И укушенная девушка отлично шла поправку. Она всё ещё была слишком слаба, чтобы говорить, но по благодарным глазам и так стало ясно, какие бы слова прозвучали в первую очередь.

Познакомившись со здешними ведьмами, она уселась с ними за общий рабочий стол и целый день помогала, измельчая и перетирая компоненты для будущих отваров и мазей. Приготовить что-нибудь своё у неё не вышло, запасов дурмана или бругмансии у них не водилось. Но две другие зелёные ведьмы, носящие удобные имена Вьюнок и Калина, согласилась заглянуть на Дурманову поляну на следующей неделе, когда отправятся за сырьём.

— Интересно, когда я завтра проснусь, он уже вернётся? — размышляла Манси, идя в сторону покоев. Трудовой день кончился, и большая часть прислуги отправилась на заслуженный отдых.

Она свернула куда-то не туда в запутанных лабиринтах и вышла к огромной лестнице, застеленной алой ковровой дорожкой. Та разветвлялась у небольшой площадки, над которой висела помпезная люстра без свечей, уводила в коридоры — длинные и открытые балкончики — и соединялась вновь перед высоченной аркой. А уже за аркой открывался вид на витражные окна.

У вампиров однозначно есть одержимость красным цветом. Куда ни глянь: постельное бельё, ковры, шторы, — всё багряных оттенков.

Замерев у самого основания лестницы, Манси размышляла, что ей делать дальше. Пойти обратно в надежде найти развилку, в которой завернула не туда, или рискнуть и попробовать новым путём отыскать дорожку к башне Аланда? Так или иначе, кажется, возникло очередное приключение.

— Потерялась, Бругмансия? — спросил вкрадчивый женский голос сзади.

Она крупно вздрогнула и обернулась, уставившись на вежливо улыбающуюся Лилит.

— Доброй ночи… Да, немного заплутала, — сконфуженно улыбнулась Манси. А вот и первый ядовитый цветочек вырос на её пути. И не убежать ведь от него — проворное чудище.

— И куда же ты шла?

— Возвращалась в башню.

— Но ночь только началась, — неуловимо быстрым движением Лилит приблизилась к ней и провела ладонью по плечу, подобно змее обвивая руку. — Тебе там так скучно будет в одиночестве, бедняжка.

— Ни капли скуки. Да и вообще, меня там ждут детки!

— Детки?

— Именно! Целая орава, и половина требует ежедневного полива.

— Никуда твои детки не убегут из горшков, — процедила она, судя по тону, желала ещё что-то колкое добавить, но вовремя прикусила язык и устремилась к лестнице, потянув Манси за локоть с нечеловеческой силой. — Пойдём, чудная ведьма. Тебе вовсе не обязательно сидеть взаперти в ожидании возвращения отца. Я покажу тебе воистину прекрасное место.

— Да я недавно на кухне была!..

***

Серебряный свет полной луны проникал сквозь узкие оконные проёмы, окутывая верхний ярус библиотеки волшебным сиянием. Величественные полки, украшенные затейливой инкрустацией, тянулись к высокому сводчатому потолку. А стол для чтения, обрамлённый не менее изысканной резьбой, стоял в центре комнаты на первом этаже, словно алтарь, приглашая посетителей в мир тайных знаний.

Ограниченное освещение добавляло загадочности этому хранилищу древних знаний и мудрости. В другое время показавшийся бы зловещим тусклый свет свечей создавал мистическую, но уютную атмосферу. Язычки пламени дрожали от слабого сквозняка, отбрасывая танцующие тени на старинные пергаменты.

— С дуба рухнуть… никогда не видела так много книг в одном месте, — ошеломлённо произнесла Манси и дотронулась кончиками пальцев до прохладных перил каменной лестницы, что вела на балконы к верхним полкам.

Воображение нарисовало, как множества поколений учёных и монахов поднимались по этим ступенькам, чтобы добраться до забытых сокровищ. Ведь здесь, на вершинах библиотечных полок, наверняка скрывались самые ценные и редкие книги, терпеливо дожидающиеся, когда их возьмут в руки и оценят глубокое содержание по достоинству.

— Что ты любишь читать? — Лилит провела ногтем по корешкам с приятным звуком. — Героический эпос, мифология, философия?

— Что-нибудь, где много картинок.

— Прелестно, ещё и читать не умеет, — надменный смешок сорвался с её губ между делом, пока она искала нужный талмуд, который практически кинула на стол. — Здесь есть рисунки твоих любимых цветочков.

Наверное, эти намеренно грубые слова должны были пристыдить или унизить Манси. Можно подумать, что нет ничего важнее учёности. Нет, конечно, она понимала, что для таких, как Лилит, в самом деле мог свет клином сойтись на книжках. Но, по сути, что зазорного в отсутствии грамотности? Пусть она и не умела писать или читать, но зато в её силах было спасти человека, вырвать из загребущих лап смерти. Дар врачевания ничем не хуже.

Сначала не получилось расслабиться в присутствии вдруг сделавшейся дружелюбной вампирши, которая уселась с другого края стола за не менее пухлую рукописную книгу. Ощущение затаившейся грозы перед бурей не отпускало. А потом Манси погрузилась с головой в книжку. Картинки в той и правда оказались очень интересными: некоторые растения у неё получалось узнать, а другие поражали своими нарядными стебельками и любопытными соцветиями.

Входная дверь громко хлопнула, и по направлению к ним устремились тяжёлые шаги.

— Вот же принесла нечистая, — тихо выругалась Лилит, видимо, узнавая того, кто пришёл, по одному звучанию шагов.

Из-за стеллажей появился высокий мужчина в чёрном камзоле со стоячим воротником. Крупный, плечистый здоровяк. И по цвету его глаз легко угадывалось, что он являлся одним из сыновей Аланда.

— О, так ты тут не одна умные книжки читаешь. Кто это у нас такой аппетитный? — притворно-ласковым тоном произнёс незнакомец с отталкивающей улыбкой, больше напоминающей хищный оскал зверя. У него даже на пару лишних клыков оказалось в пасти. Да и целом его узкое лицо с впалыми щеками, длинным и словно обрубленным подбородком, широким ртом и маленькими глазками вызывало у Манси инстинктивное отвращение. — Новое блюдо в меню?

— Да, но это блюдо для единоличного употребления отцом. Не трогай ведьму, Киран, если не хочешь неприятностей.

— Да ладно, я одним зубком, — отмахнулся он от слов сестры, продолжив подходить ближе. Ещё и демонстративно облизнулся, будто смотрел на сочный окорок на гриле. — Чуть-чуть прикушу сбоку. Тебе разве не интересно, что там за деликатесы такие, что нам нельзя трогать?

Киран
де Оккепирионна

— И будешь законченным глупцом.

— Поосторожнее со словами, сестрёнка.

— Отец на это глаза не закроет. Он ясно дал понять, что любому из нас голову за неё оторвёт.

— Прямо-таки оторвёт. Силёнок у него не хватит. Да и размяк он давно. Жалостливый стал, как человечишка. Поэтому не действуй мне на нервы, пока я сам тебя никак не наказал.

Лилит посмотрела на него с презрительной ухмылкой, как на умирающее у неё под каблуком насекомое, а затем перевела равнодушный взгляд на оцепеневшую Манси, пожала плечами и двинулась к выходу, бросив на прощание:

— Ничего личного, Бругмансия.

— Вот такая она дрянь, — гортанно захохотал Киран, смотря вслед сестре. — Только за свою шкуру переживает. Но она ещё ничего, Елена и Мелания отца вообще как огня боятся. А чего там бояться-то? Я двести лет наблюдаю за его потугами не пить людей. Нет, поначалу он был нормальным вампиром. Но последние сто лет его перемкнуло, и теперь он только из бокальчиков потягивает кровушку. Однако, — его циничный взгляд снова упал на Манси, — спустя столько времени он вдруг завёл закуску. Я прямо-таки сгораю от любопытства.

Пальцы нащупали в кармане ведьмовской мешочек, тот был способен парализовать вампира, но ненадолго. Где-то на

четверть часа. Хватит ли ей этого времени, чтобы убежать? Но если даже и убежит, то как найти дорогу до башни? И будет ли она там в безопасности? Вдруг этому жуткому кровопийце настолько плевать на слово отца, что он даже туда явится, чтобы закончить начатое?

— Не надо, — попросила Манси дрогнувшим голосом.

— Так он ещё тебя и не кусал? Вот так удача! Я очень люблю распаковывать подарки, — мерзко ухмыльнулся Киран и неожиданно схватил её за руку, заставив вытащить кулак с ведьминским мешочком из кармана. Грубо разжал пальцы и отобрал тот. — А вот за это тебе придётся преподать урок…

***

Паскудно скалящаяся рожа медленно склонялась всё ближе и ближе, явно специально растягивая удовольствие от своеобразной пытки. Сердце стучало как бешеное, аж в кончиках пальцев закололо. Манси одновременно было страшно и обидно, что укусит её в итоге такая мерзопакостная гадость.

Его лицо надвинулось и остановилось в считаных сантиметрах, так близко, что она могла разглядеть каждую ресницу на глазах, отдалённо напоминающих человеческие: они откровенно упивались своей властью, наслаждались её страхом. И вдруг Киран вздрогнул, выражение лица с ехидного сменилось на непонимающее. А на руки Манси закапало что-

то горячее.

Взгляд опустился ниже и наткнулся на поблёскивающее в свете свечей остриё меча, торчащее из его груди. А уже в следующую секунду оно исчезло, и тогда крови стало намного больше. Она полилась в её ладони, как из ковша.

Киран выпрямился и, растерянно трогая себя за мокрую грудь, развернулся к Аланду.

— Отец?.. Почему?

— Потому что слов ты не понимаешь. Вечно заставляешь переходить к действиям, но мне несложно разговаривать на доступном для тебя языке, — спокойно объяснил он, смотря сыну прямо в глаза. А затем быстрым, но плавным движением взмахнул мечом.

Первой на пол упала отрубленная голова и подкатилась к ногам Манси, а за ней рухнуло в противоположную сторону и грузное тело, из шеи которого бил настоящий фонтан. Она опустила взгляд на теперь испуганное, искренне недоумевающее лицо со стеклянными глазами и не смогла вытолкнуть из горла ни звука. Хотела закричать, а глотку словно чья-то невидимая рука стиснула.

Рядом с телом с оглушающим звоном приземлился меч, а голову пнула нога в дорогой туфле, закатывая ту под стол, словно какой-нибудь неприглядный мусор под стол. Аланд опустился напротив Манси на колени и с обеспокоенным выражением заглянул в глаза.

— Не успел цапнуть? — Он провёл ледяными пальцами

по её шее. — Вроде нет… чего молчишь? Этот поганец так сильно тебя напугал?

— Ты его убил?.. — с трудом вытолкнула она слова.

— Убил, — подтвердил Аланд и кинул короткий взгляд в сторону обезглавленного тела. — Через несколько дней воскреснет.

— Но как же так…

— Да как-то так. Вампиры бессмертны. Какую часть тела не отруби — отрастёт обратно. Даже голова. — Он замолчал, в гнетущей тишине сидел напротив и что-то внимательно высматривал у Манси на лице. С тяжёлым вздохом поднялся с колен, подхватил её на руки и направился к выходу из библиотеки. — Манси, у нас просто разные формы наказания. Сама посуди, люди постоянно устраивают публичные порки провинившихся перед господами, привязывают к скамейкам и отхаживают розгами. И чтобы посмотреть на это зрелище, проходящее не где-нибудь в закутке, а прямо на центральной площади, стекается толпа праздных, улюлюкающих зевак — таких же бесправных слуг. Сто ударов могут растянуться на целый день, а заживающие шрамы, раздражаемые потом, будут беспокоить ещё неделю, а то и две. Люди безжалостно отрубают кисти малолетним воришкам, оставляя тех на всю жизнь презираемыми калеками за сущую безделицу. Киран же был убит быстро, и когда он воскреснет, на нём не будет ни царапинки. Так чьё же наказание милосерднее?

Эка как всё вывернул! Да у него талант к забалтыванию

зубов. Но стоило признать, что ей стало чуточку полегче на душе. Она, конечно, в один миг не скинула оцепенение от увиденной картины жестокой расправы, но сейчас её хотя бы перестало лихорадить, и дышалось относительно легко.

Вампиры и люди и правда жили совсем по разным законам.

Аланд остановился посреди коридора, посмотрел на тёмный угол и с обманчиво добродушной улыбкой пообещал:

— А с тобой я разберусь позже.

С кем бы он там ни вознамерился разобраться, по тону его голоса хорошо ощущалось, что бедняге мало не покажется. Хорошенько получит тот, кто прятался в тени, не меньше Кирана.

После того как они вернулись в покои, Манси залпом выпила пузырёк успокоительной настойки, отмылась в принесённом служанками деревянном корыте, переоделась в свежую одежду и окончательно пришла в себя. Настолько, чтобы начать задавать вопросы. Прежде всего её интересовало, как Аланд так быстро вернулся. Деревенские по несколько дней тратили на дорогу в одну сторону до города.

Вампиры знали короткий путь или пользовались тёмной магией для быстрого перемещения?

Однако всё оказалось зауряднее. Он просто передумал ехать один и решил вернуться за Манси. И вернулся как нельзя вовремя. Если бы Аланд не вмешался, то неизвестно, чем всё закончилось: отделалась бы она малой кровью? Вот

уж вряд ли. Наверное, поэтому когда он поставил её перед фактом, что Манси поедет с ним, то даже как-то желания спорить не возникло. Сейчас ей и самой не хотелось оставаться в Кроктауне в его отсутствие.

— Ты жаждешь мне что-то сказать? Или дырку пытаешься просверлить взглядом? — поинтересовался Аланд с насмешливой улыбкой, сидя напротив в повозке, везущей их в город. Странной повозке со стенами и деревянной крышей. Они выдвинулись сразу, как проснулись. Она даже не успела заскочить в крыло к слугам, пришлось через служанку передать просьбу Вьюнку присмотреть за её цветочками. — Говори, я не кусаюсь… когда в хорошем настроении.

— Думаю, я ошиблась, ты вовсе не репейник.

— Чего?..

— Но если не репейник, то кто? — задумчиво протянула Манси и склонила голову набок, разглядывая точёное лицо. — Кто-то очень красивый, но опасный… Кто-то вроде аконита или олеандра… но с колючками.

— Опять ты за своё, — усмехнулся он и похлопал ладонью около себя. — Иди сюда, моя чудачка.

Послушно пересев на лавку рядышком с ним, она с удовольствием поднырнула под приобнявшую руку и позволила мягко перенаправить свою голову на чужое плечо. Аланд нежно погладил её по волосам и шепнул:

— Поспи, дорога предстоит долгая.

Он намного страшнее детей, и боялись его все вокруг

небезосновательно. Но вот в чём жестокая шутка: именно рядом с ним она себя чувствовала спокойнее всего. У Манси было чёткое ощущение, что Аланд опасен для всех, как чрезвычайно ядовитый цветок, к отраве которого она по какой-то причине оказалась невосприимчива. Поэтому никто не мог насладиться его чудесным ароматом, кроме неё.

Манси почти уснула в уютных объятиях, когда вдруг пробормотала на грани между сном и явью:

— Клещевина…

Клещевина из сна Манси

Глава 8. Сладкое мгновение

Манси

Дорога до города заняла у них больше четырёх дней. За это время они дважды останавливались в маленьких трактирах на ночь. И каждый раз там не оказывалось свободных комнат. Но хоть они и ночевали на одной кровати, Аланд не позволял себе ничего лишнего. В какой-то степени это даже расстраивало. Поскольку оставалось неясным, что скрывалось за этими высоконравственными манерами: его безграничное благородство или её непривлекательность?

За четыре дня и ночи, проведённые наедине, Манси рассказала ему всю свою жизнь. Как малявкой воровала яблоки в саду главы деревни, как весело на речке купалась вместе с другой детворой, пока не наступили времена наказов с ней не общаться. Поделилась тайным желанием научиться грамоте, чтобы всякие Лилит не фыркали больше. Аланд внимательно слушал, не сводя ласкового взгляда, и изредка разбавлял её беглую речь неторопливыми рассказами о былых временах.

Когда они доехали до города и заселились на постоялый двор — длинное двухэтажное здание из камня и дерева, то

он, видимо, по привычке снял им одну комнату на двоих. Манси была не против, наоборот, ей даже нравилось в полудрёме закидывать на него руки и ноги. Удобно спалось. А ещё иногда, то ли во сне, то ли наяву, она ощущала невесомые поглаживания, пробуждающие незнакомый аппетит. И этот аппетит ей тоже нравился.

— По сим книгам можно обучиться грамоте. — Аланд опустил стопку пухлых томиков на дубовый стол в их комнате. — Ещё я купил тетрадь и чернила, на случай, если ты захочешь попрактиковаться в письме.

— Ничего себе! Я много времени проведу в одиночестве, — присвистнула Манси, вмиг смекнув, для чего приготовлено развлечение.

— Прости, не могу взять тебя с собой, — на выдохе признался он и, притянув за плечо, обнял её. — Скорее всего, вернусь под утро. А потом проснусь и снова уйду. И я бы

очень не хотел, чтобы ты в одиночестве гуляла по городу. Тут много плохих не только вампиров, но и людей.

— Вот ты редиска! Из одного страшного места в другое меня перетаскиваешь. Ты это специально делаешь? — фыркнула она, сомкнула ладони у него за спиной и шумно втянула приятный аромат, исходящий от одежды.

— Что я могу поделать, если мир сам по себе страшное место.

— Нет, мир — прекрасное место. В нём много как красоты, так и уродства. Всё зависит от того, куда устремлён твой взгляд.

— Мой взгляд, — Аланд отодвинулся и заглянул ей в глаза, — однозначно на красоту.

Смущённо пискнув, Манси уткнулась лицом в рубашку на груди. А уже в следующее мгновение отстранилась, тоже посмотрела в ярко-красные глаза напротив и, привстав на носочки, попыталась поцеловать. Но он резко повернул голову, поэтому её губы неловко мазнули по гладкой щеке.

— Не надо, я недавно ел.

— Где ты взял?.. Ты же ни на кого не напал, пока ходил за книгами?

— Нет. Тут есть вампирские салоны. Люди за деньги продают свою кровь.

— Понятно. Значит, моя помощь не понадобится, — подытожила она и попыталась отодвинуться, но Аланд столь крепко обнимал, что не было и шанса освободиться. Обни-

мал так, как будто не уклонялся от поцелуев. Подумаешь, крови напился. Такое прекрасное настроение ей испортил. — Мне этот номер не нравится, тут нет ни одного цветочка.

— Хорошо, я скажу владельцу перенести к нам в комнату растений, — произнёс он, и хоть Манси не смотрела на него в этот момент, но точно знала, что на неуловимых губах возникла очаровательная улыбка. И вдруг эти губы сами поцеловали её в висок, потом в щёку и ещё чуть позже в уголок рта. Она скосила на него взгляд в ожидании продолжения, поймав который, Аланд сипло засмеялся, обхватил её лицо ладонями и несколько раз чмокнул в губы. — Всё? Теперь ты довольна?

— Как сирень под весенним солнышком, — радостно захихикала она.

— Похоже, мне надо изучать растения, чтобы начать тебя понимать…

Он пропал почти на неделю.

Нет, конечно, забегал, чтобы вздремнуть несколько часов у неё под боком. Приходил на рассвете. К тому времени Манси уже успевала утомиться от сидения за книжками, плотно поужинать, искупаться и отправиться спать. Сквозь сон она чувствовала, как Аланд ложился рядом, обнимал со спины или сгребал в охапку и целовал её в лоб, но просыпалась неизменно одна. Печальным взглядом окидывала пустую постель и шла наглаживать цветочки: двух горемычных страдальцев со сморщенными листьями в окаменевшей почве.

Однако Манси и не таких бедолаг вытаскивала. Уже несколько дней она усердно дарила им свою любовь, и те потихоньку восстанавливали веру в людей, оживая на глазах. Листочки становились более упругими, буквально сами тянулись к её пальцам, когда она здоровалась с ними по утрам.

— Надо же, как сильно ты похорошел за эту ночь — чудесно выглядишь, — отвесила комплимент Манси пушистому очаровашке и тут же другой рукой аккуратно погладила рядом стоявшего нахохлившегося задиру. — И твои колючки становятся лишь острее.

Дни в приятной компании пролетали незаметно.

И наконец-то настало утро, когда, распахнув глаза, она увидела Аланда, на которого по-хозяйски во сне закинула ногу. Но и его рука не менее властно лежала у неё на бедре.

Привстав на локоть, Манси придвинулась к безмятежному и даже во сне идеальному лицу, не касаясь кожи, провела по ровной линии носа, густым бровям, чёткому овалу и замерла на губах цвета увядшей розы. Нижняя чуть-чуть пухлее верхней. Такие аппетитные.

Она не удержалась и наклонилась, чтобы оставить невинный поцелуй, маленькую шалость, о которой никто, кроме неё, не будет знать. Но в волосы на затылке тут же зарылись чужие пальцы, а вероломный язык проник в рот. Другая ладонь Аланда, продолжавшая лежать на бедре, ожила и заскользила вверх, всё глубже забираясь под сорочку.

По его инициативе они ловко перекатились так, что Ман-

си оказалась на лопатках. Взбудораженная и опьянённая. Не желающая останавливаться на полпути. А он, встав на колени, через голову рывком стянул с себя ночную рубашку, не глядя швырнул ту в сторону и снова припал к Манси в ненасытном поцелуе.

— Надеюсь, ты готова, — улыбнулся Аланд ей в губы, давая глотнуть воздуха. — Я собираюсь любить тебя долго.

***

Манси лежала на животе, подперев подбородок ладонями, и смотрела на вольготно растянувшегося рядом мужчину. Он тоже смотрел на неё томным, слегка разомлевшим взглядом и вяло игрался пальцами, которые могли быть исключительно у аристократа, с кончиками её волос.

— Не хочешь погулять по городу перед отъездом? — поинтересовался Аланд. — Мы можем задержаться на несколько дней.

— Как же мои цветочки? Они не привыкли так надолго оставаться без меня.

— Думаю, твои новые подружки смогут о них позаботиться.

— А кто позаботится о самих подружках?

— Что ты имеешь в виду? — Он нахмурился и приподнялся на локтях, из-за чего одеяло соскользнуло с обнажённой груди до середины живота.

— Мне тревожно… что, если Киран после воскрешения будет не в самом хорошем расположении духа и кто-то из слуг пострадает? Я бы хотела оказаться там, чтобы помочь им справиться с последствиями его гнева.

— А, ты об этом. Не беспокойся. Никто не пострадает.

— Почему ты так в этом уверен? — Манси протянула руку и ощупала выглядывающие из-под одеяла верхние кубики пресса. Прочертила ноготком по вертикальной борозде, сильнее оголяя живот, обвела по кругу пупок, и на её кисть опустилась его ладонь, не давая двинуться дальше.

— В Кроктауне есть свод правил для вампиров. Если бы они творили всё, что хотели, то какие слуги туда пошли бы работать? Слуги знают, что находятся в относительной безопасности, — Аланд поморщился и усмехнулся, — точнее, насколько это вообще возможно рядом с вампирами.

— Но Мелания практически на моих глазах…

— Случаются разные неприятные казусы. Иногда даже со смертельным исходом. Но я разделяю, когда дети неумышленно выпивают лишнего, что приводит к потерям среди смертных, а когда начинают творить беспредел, убивая людей ради веселья. В случае Мелании есть серьёзные сложности. Она не может себя контролировать. И я пока что думаю, как решить эту проблему. Скорее всего, придётся прибегнуть к примитивному способу. По крайней мере, мне ничего другого не приходит на ум.

— А что за примитивный способ?

— Убийство.

Он выбрался из постели, а затем ещё и Манси заставил последовать своему примеру. Всё-таки убедил её прогуляться по городу, хотя бы одним глазком посмотреть на узкие улочки, перед тем как отправиться в обратную дорогу. В общем-то, не было такой уж большой разницы: выдвинутся они сегодня или завтра.

Намеренно легко одевшись, Аланд с Манси вышли на улицу, когда уже окончательно смеркалось, и работники с четырёхногими самостоятельно стоящими лестницами — она не знала, как правильно те назывались, — бегали, открывали слюдяные окошки и поджигали миниатюрные фитильки внутри уличных ламп на деревянных столбах. Скоро улицу затопило мягким, жёлто-оранжевым светом, отражающимся во влажных швах мощёной из крупного булыжника дороги.

— Тут совсем нет деревьев! — охнула Манси, оглядываясь по сторонам. Всё вокруг серое, мрачное. Двух- и трёхэтажные дома, остроконечные крыши и никаких растений. Несчастную землю застелили унылым камнем, ни одна озорная травинка не могла пробиться к солнцу. — Ужас, как тут живут люди?

— Тебе не нравится? — Аланд поймал Манси за локоть и подтащил к себе, сам обвил и положил её кисть на своё предплечье. — Многие мечтают о переезде в столицу из сельской глуши. Тут кипит жизнь днём и ночью.

— Вообще не нравится! Никогда бы не променяла избушку в лесу на каменный ужас.

— И я этому даже не удивлён.

Центральная площадь с помостом для выступлений тоже не особо впечатлила. Просто огромный пустырь, опять-таки закатанный в камень. Но людей вокруг была тьма. Их на этот пустырь как будто что-то приманивало. Они слетались, подобно насекомым на ароматные капельки росянки, и застревали в клейкой росе — ярмарочных лавках.

Когда они вышли к реке, обнесённой со всех сторон защитными ограждениями, Манси сделала глубокий вдох, но не испытала удовольствия. Река казалась грязной, полной нечистот. И выступила ещё одним поводом невзлюбить столицу.

— Ты её совсем убьёшь? — спросила она, облокотившись на высокое ограждение, сама не ведая почему, решила вернуться к разговору о Мелании.

— Да. — Аланд потрогал её руки, точно проверяя, не замёрзла она.

— Наверное, это очень тяжело…

— В первый раз — да.

— Ты уже убивал других вампиров? — Манси перевела

на него изумлённый взгляд. — И даже тех, что сам создал?

Загадочно улыбнувшись, он лениво потянулся всем телом, а затем внезапно обнял её со спины, прижавшись щекой к уху. Так они и стояли в уютной ночной тишине. Долго стояли: молча обнимались и смотрели на реку, в которой танцевали блики от фонарей и полной луны.

— В прошлом у меня был ещё один сын — Хаинц. Самый первый вампир, которого я создал. Киран был вторым. И вот мой первенец не поддавался воспитанию. Нет, он не имел таких проблем, как Мелания. Спокойно контролировал свою жажду. Однако в его голове с первых дней вампирской жизни поселилась одна очень вредная мысль о своей некой исключительности, — в голосе Аланда прорезалась горечь сожаления. — Ещё при человеческой жизни Хаинц жалкое зрелище из себя представлял. Мелкий, затюканный парнишка, что драил господские горшки и умывался харчами. Мне стало его жаль, поэтому я откликнулся на мольбу о шансе на иную, вечную жизнь. Он переродился и переменился до неузнаваемости. Хотя сейчас уже понимаю, что мог бы это и предугадать… Ему доставляло удовольствие издеваться над смертными. Хаинц их убивал направо и налево. А потом ещё и сам попытался создать вампира. Хотел отделиться от меня и основать собственную семью, во главе которой стоял бы он сам.

— И поэтому ты его убил?

— Распылил над морем.

***

— Пойдём, куда-нибудь зайдём перекусить, — резко сменил тему Аланд и отстранился от неё. — Ты наверняка проголодалась.

— В вампирских салонах подают человеческую еду? — беззаботно улыбнулась Манси и сама зацепилась за призывно оттопыренный локоть.

— Нет. Туда я тебя не поведу, — категорично отрезал он.

— Почему? Мне было бы интересно…

— Аделанд, ты ещё не покинул Фланэ? — окликнул их со спины молодой незнакомец в чёрном плаще, полы которого подметали мостовую. Хорошо сложенный, длинноногий, чем-то неуловимо похожий на самого Аланда мягкими чертами лица, помимо цвета глаз. — Я полагал, ты хотел побыстрее разобраться с нашим семейными делами, чтобы вернуться в замок. А ты, оказывается, торопился к даме. Не познакомишь нас?

— Думаешь, я нуждаюсь в твоём одобрении?

— Нет, я так не думаю. Но если ты этого не сделаешь, я помру от любопытства!.. Ты желаешь моей смерти?

Самодовольно хмыкнув, Аланд приобнял её за плечи:

— Бругмансия Кэбот, талантливая зелёная ведьма. И моя дама во всех смыслах, — он указал ладонью на обаятельно улыбающегося вампира с живым блеском в гранатовых гла-

зах и представил того уже Манси. — Рейнард — мой младший брат, о котором я тебе не единожды рассказывал.

Рейнаро
де Аппаторионна

— Вот и ты пал под чарами ведьм! Но перед ними и правда сложно устоять, — весело хохотнул представленный и протянул ей руку. — Зови меня просто Рейн.

— Манси, — взаимно отозвалась она и тоже улыбнулась.

— Какая милашка!

— А ты где свою ведьму потерял? — Аланд огляделся по сторонам.

— Лана ждёт меня в гостинице. Я отошёл прикупить. — Он помахал парой бумажек. — Теперь ты меня долго не увидишь. Я собираюсь везде свой любопытный нос засунуть.

— Вальдемар взбесится. Он до сих пор не может принять отъезд Адалинды и Ламии.

— Да пусть себе беснуется на здоровье, я не против.

Они неторопливым, прогулочным шагом двинулись вдоль реки. Братья разговаривали между собой, а Манси с интересом их слушала, не вмешиваясь в эту расслабленную беседу. В голосе Аланда звучали непривычные горделиво-покровительственные нотки. Иногда она слышала в свою сторону похожий тон, но тот всё равно сильно отличался.

— Сколько лет уже твоей ведьме? — деловито поинтересовался Аланд.

— Она постарше Манси. Ей чуть за семьдесят.

— Ты не собираешься её обратить?

— Нет, меня и так всё устраивает. Да и есть у меня одна теория…

— Что за теория?

— Если не вдаваться в подробности, то я думаю, что ведьм нельзя обратить. У них слишком сильная связь с природой. Эта связь вступает в некий конфликт с нашей сущностью, поэтому они погибают во время ритуала.

— Ты на них ставил эксперименты?

— Нет, конечно! Я слишком люблю ведьм, чтобы над ними так издеваться, — искренне возмутился Рейн, сверкнув глазами, и через мгновение скупо добавил: — Вальдемар ставил, а я наблюдал со стороны.

После его горьких слов братья о чём-то на пару задумались. Может, вспоминали этого злодея — Вальдемара. Они подошли и остановились около огромного и помпезного здания, похожего на миниатюрный дворец, у которого перед центральным входом даже небольшой фонтан соорудили. И тогда Аланд с сомнением в голосе протянул:

— Но как же Локи?

— Его дар — часть проклятья. К слову о нём, я склоняюсь к тому, что он прародитель всех ныне живущих ведьм.

— Чего? Ты хочешь сказать, что Манси его прапра…

— Нет, ты слишком буквально воспринял мои слова.

— Тогда что ты имеешь в виду?

— Ну сам посуди, первые ведьмы появились примерно четыре века назад. По крайней мере, я не смог найти более ранних упоминаний. Именно среди людей. Понятное дело, что среди божественных потомков водились ведьмы. Одна-

ко людям были недоступны магия или колдовство. — Рейн оглянулся на захлопнувшуюся дверь, встретился взглядом с тучным мужчиной, воинственно выпятившим круглый живот, и тут же потерял к нему интерес. — Локи — первый с ведьмовским даром и без божественной крови в жилах. Все его любовницы или просто женщины, на которых он положил глаз, но не успел дотянуться рукой, неожиданно находили у себя склонность к ведовству. Совпадение? Не думаю. Тем более у него вампиров создавать не получается, как у нас. Скорее, это какая-то извращённая часть проклятья. Мы плодим кровопийц, а он дарует этому миру славных ведьмочек.

— Выходит, он тоже хороший вампир? — подала голос Манси. — Как ты или Аланд?

— А с каких пор ты заделался в хорошего?..

— Она у меня с лёгкой причудой, — перебил брата Аланд, кинув на неё смеющийся взгляд, после чего обратился уже к Манси: — Локи и меня нельзя назвать хорошими вампирами, особенно с точки зрения человека. Рейн — да. Он несколько столетий пьёт кровь животных и в целом всячески помогает людям: развивает науку, поддерживает ведьм. Сама знаешь, как к ним иногда незаслуженно сурово относится деревенский народ.

— У моего брата к тебе особое отношение, он далеко не со всеми такой милый, — подхватил Рейн с озорной ухмылкой. — Но справедливости ради отмечу, что у Аланда есть

принципы, а вот Локи… никогда не угадаешь, что у него в голове.

— Точно. В одной и той же ситуации он может повести себя кардинально по-разному.

— Не сказать, что он прямо-таки плохой, — сумрачно проронил он и поджал пухлые губы, и без того словно немного вытянутые вперёд.

— Но и не хороший.

— Неоднозначный!

— Согласен, — после недолгих колебаний подтвердил Аланд.

— Мне было очень приятно с тобой познакомиться, Манси. Скорее всего, мы видимся в первый и последний раз. — Рейн протянул руку, чтобы поцеловать её пальчики на прощание. — Живи на полную катушку и ни в чём себе не отказывай, жизнь — слишком короткая штука, чтобы поддаваться сомнениям.

— Мне тоже было очень приятно познакомиться! Мы обязательно встретимся, если не в этой жизни, так в следующей!

Братья крепко обнялись и обменялись ещё парой формальных, но трогательных фраз. И Аланд с Манси уже двинулись вниз по широкой улице к заведению с вывеской ресторана, когда младший вдруг снова окликнул старшего, чтобы с серьёзным видом произнести:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.